

«О пользе и вреде философии для жизни»

Вместо предисловия: Дзен украинской маршрутки

Каждый раз, возвращаясь с работы на маршрутке домой, в свой пригород Днепропетровска, и проезжая мимо местного дома-пансионата для престарелых и инвалидов, я, по настроению, вспоминаю этот забавный случай...

Пансионат инвалидов весьма большой и находится на особом учёте у местных властей. Так как продемонстрировать свою важность и полезность у местной власти сегодня больше особо не на чем (и с каждым часом этих возможностей всё меньше), это печальное заведение, как сосредоточение настоящих людских несчастий, напоминающее не только внешне, но и внутренне большой многоэтажный корабль, регулярно посещают бесконечные комиссии, политики, гуманитарии и конечно церковники. Вокруг дома вертится своя особая жизнь.

Время от времени питомцы этого пансионата, бесформенные покалеченные люди, инвалиды детства и производств, на инвалидных колясках немислимых конструкций, делают свои выезды в свет. Совершаются дерзкие побеги. С корабля. В основном едут по местным магазинам и на рынок. Жители к инвалидам давно привыкли - они часть местного колорита. Они шумят, задевают прохожих, спорят, торгуются, как могут удовлетворяют голод общения, накопившийся в палатах. Потом буднично, по-деловому они собирают милостыню на остановках или у входов на рынки или в магазины, а после, уставшие и пьяные, засыпают в своих же колясках, на открытом солнцепёке или диком морозе, свесив незадачливые головы... Зачастую, именно так, заканчивается их выход в люди. В т.с нормальную жизнь... И всегда находится человек, который закатит «уставшего» бедолагу под дерево, в тень, от жары, или растормошат уже пьяного, чтобы тот катил к себе назад, домой. В большой пансионат у дороги.

Иногда инвалиды демонстративно цепляют патриотический украинский флажок на сиденье коляски, или чуть ли не себе на голову. Это выглядит очень трогательно. Толи пытаюсь, приобщиться к всеобщему патриотизму или это такой вызов судьбе, не понять, но с этими флажками, они так и катят, иной раз прямо посреди дороги, мешая потоку автомашин и создавая аварийную ситуацию. Но их терпят, объезжают и обходят. С ними лучше не связываться. Это народ особого настроения, которое, нам, «нормальным», до конца не понять. Это особый мир. Этот мир по-своему неприхотлив, но взвинчен. И это естественно, ибо люди в колясках прекрасно понимают, что своим видом, как и присутствием на этой земле, особого оптимизма и радости не вызывают. Но созерцание таких людей, весьма поучительно. Приучает к брэнности и иллюзорности страстей наших. Если великий Гаутама пробудился при лицезрении калек, то у жителей моего посёлка есть огромный шанс на буддийское просветление. Теоретически. Они видят калек каждый день. Правда с просветлением правда, пока никто не торопится... Да и зачем оно сегодня, просветление?.. Ну просветлился, и что?

Как-то ранним утром, я ехал на работу, в полуразвалившейся грохочущей маршрутке, сплошь обклеенной рекламой, и среди пассажиров, совершенно неожиданно разгорелся нешуточный скандал. В мертвой схватке сцепились льготники. Люди спорили, кто первым вошел и кто теперь должен ехать бесплатно, а кто, попав «сверх лимита» в салон, обязан теперь заплатить за проезд. По закону! В целом отвратительная картинка. В такие минуты я обычно съезживаюсь от стыда, так как сочувствую буквально всем. Водителю, который вынужден ругаться, и людям, которые вынуждены унижаться. При этом у каждой стороны конфликта, своя принципиальная позиция, своя т.с. житейская философия. И этот каждый, пытается её выразить со всей категоричностью. Всем надо ехать. В город.

В общем, банальная инфраструктурная «драма низов», описывать как бы нечего: количество пенсионеров и льготников, имеющих право бесплатного проезда, строго ограничивается распоряжением властей, и люди в борьбе за место под солнцем и соответственно в маршрутке, теперь отчаянно грызут и теснят друг друга.

Свара по традиции, переросла в настоящую брань на политической почве, благо украинская реальность, мельтешащая за окнами автобуса, как в телеэкранах, для этого всегда даёт изумительные по изощренности поводы. Скандал отдавал невыносимой тоской и скукой каждодневного «дежа вю»: все стороны говорили одинаково, об одном и том же и доказывали

друг другу, в принципе, одно и то же, что, как правило, злит больше всего. Очень скоро, ругань накалилась до предела, и по принципу психического вируса-резонанса, стала вовлекать в себя буквально всех, желающих и не желающих в этом участвовать, пассажиров. Граждане, по всему было видно, нуждались в срочном выпуске пара. И они его, по случаю, выпускали...

Маршрутка, пыхтя дизелем и громыхая, ехала в утреннем тумане по украинским просторам, изрыгая во все щели и окна, невообразимый крик, но я старался, не вмешиваться, хотя сказать это было легче, чем сделать. От остатков сна и утреннего благостного настроения «все братья сёстры!» не осталось и следа. Во мне, глядя на происходящее, поочередно просыпался то социолог, то психиатр, то политик, то полицейский, то палач, и ещё бог весть кто, со своим мнением и желанием высказаться. Всем им я затыкал рот... И молчал.

Вообще, в ситуациях подобного рода, когда одна часть общества грызёт другую, всегда лучше сразу выбирать сторону. Любую. Без разницы, какую. Держать нейтралитет опасно - это значит противопоставлять себя и тем и другим. Всем. Позиция, мол, «ну и сволочи вы все», обычно оборачивается... неожиданным превращением вас же, во всеобщего виновника. Почему? А из-за вашего равнодушия и чёрствости. К людям. И человечеству!...

И вот кажется, ещё чуть-чуть, льготники, разделив всех нас, остальных пассажиров, на враждующие и непримиримые политические партии, вцепятся друг другу в горло, выцарапают глаза, надгрызут сонные артерии и начнут пить общественную кровь, как маршрутка, наконец, не начала проезжать мимо вышеупомянутого пансионата.

Того самого... Напротив дома инвалидов наш автобус громыхая, остановился, и входные двери с треском распахнулись... Возбуждённые пассажиры с любопытством уставились на вход, ожидая пополнение «политических» сил. Но в дверях, выхвативших кусок синего приднепровского неба, никто не появлялся. А автобус стоял... Спустя только несколько секунд, на ступеньках послышалось странная возня. Ещё через секунду, мы стали свидетелями душеспитательной картины...

Два парня, два друга, два инвалида, или точнее два тельца, два получеловека, абсолютно без ног (то есть совершенно!), два обрубка, каждый на своей тележке, с маленькими, такими колёсиками и деревяшками для толкания по земле... шумно и весело карабкались руками по ступенькам, и друг по другу в салон... Детские футболки с покемонами и адидасами, на их невероятных организмах, выглядели нереально...

От посторонней помощи они отказались сразу. Было видно, что она им была просто не нужна. Демонстрируя чудеса акробатики, ловкость рук и отличную взаимопомощь, отработанную уже неоднократно, оживлённо, о чем-то сугубо своём разговаривая друг с другом, друзья инвалиды весело карабкались в маршрутку... Жестикулировали и громко смеялись. Суетливо помогали друг другу быстрее устроиться в проходе, чтоб не задерживать и без того застоявшийся автобус...

Ещё через секунду, они заплатили и автобус поехал дальше, а инвалиды продолжили, как ни и в чём, ни бывало, и не обращая ни на кого внимания, о чём-то о своём, оживлённо болтать и... смеяться...

Кипевшая мгновенье назад адовыми протуберанцами ненависти друг к другу маршрутка затихла. Пассажиры косясь, смотрели, как эти двое несчастных, мелькали детскими макушками в проходе у их ног, хихикали и перемигивались...

Я должен пояснить что произошло... Это был холодный душ. Это было невероятно! На фоне сплошного раздрая, в отличии всех этих льготников и нас, заполитизированных в смерть пассажиров, пронизанных самым дремучим и злобным обывательством, эти инвалиды просто светились от счастья общения друг с другом и даже не думали это скрывать. Казалось, что они просто издевались над нами, нормальными людьми, эти два инвалида, эти двое несчастных!... Сами того не подозревая.

Несчастные были невинны и веселы, и увлечены беседой друг с другом, на каком то своём непонятном полудетском языке...

Мы все невольно прислушались к птичьему звуку их голосов...

Это был культурный шок. Я даже привстал, чтобы посмотреть на реакцию людей... На лица... На перемену...

Все ехали хмуро отвернувшись. Либо в окна, либо себе под ноги... Чувствовалось: многие в тот момент хотели бы выйти вон из проклятого автобуса, сгорая от стыда и досады. Но всем надо было ехать... И наша маршрутка, громыхая, обклеенная идиотской рекламой, катилась дальше...

А ехал и думал, интересно кто тут инвалид на самом деле, и чему я злорадствую?

КТО Я ТАКОЙ

Я юрист. Общественник – профсоюзник. Потребитель глобальной информации, в данном случае - с украинскими специями, и как уже ясно, философствующий. Мало ли нас, городских сумасшедших живёт в недрах больной человеческой цивилизации, с её уже неразрешимыми национальными и глобальными проблемами, и которая едет каждая в своей национальной маршрутке, ждёт чего-то, надеется и резонёрствует? Меня искренне тешит то, что многие философствующие, задолго до меня, чаще всего, тоже были юристами, или что-то в этом роде... Сократы ходили по площадям и рынкам, со своими услугами для людей, средневековые монахи писали жалобы крестьян феодалу, и даже Ленин был юристом, хотя ирония тут и не уместна.

В самом деле! Нет лучше сферы для мониторинга и исследования человечества, его настоящего, а не придуманного состояния, состояния его гражданских институтов, чем сфера реального права и правосудия, где на стыке государства и общества, законов и людских страстей, судебных и мировоззрений, бурлит и кишит реальная человеческая жизнь, со всеми её миллионами оттенков серобуромалинового.

Ты можешь наблюдать культуру и эпоху в её разрезе...

В принципе, оглядываясь в своё прошлое, я понимаю, что чем-то подобным, общественно-юридическим, я, со своим советским громантизмом, и должен был закончить. Политика, мода, водка, собственность, наркотики, секс, деньги и другие товары народного потребления, мне рано стали казаться слишком прозаичными, чтобы я мог удовлетворить ими свои растущие творческие амбиции. Неет!... Скучные суды, нудные документы, работа с кризисным населением, кредитными банковскими рабами и их рабовладельцами, общение с властями, бандитами, полицией, инстанциями и пройдохами, политическими шизофрениками и карьеристами, разводы, делёж детей и имущества... Всё это заменило мне все ранее перечисленные развлечения сполна. Самый лучший уход от реальности, это другая реальность, которая, как правило, тут же, рядом. Ничто так нереально, как то, что происходит с тобой на самом деле.

И как сублимация всего вместе взятого: разговоры, философия, книги, статьи, поиски чего-то абсолютного, и в тоже время такого бессмысленного... Непонятно чего больше.

Меня очень вдохновила возможность поучаствовать в философском конкурсе, проводимом Институтом философии Российской Академии Наук. Это и есть возможность побыть в другой реальности. В философской. Во всяком случае, это лучше чем слышать и обсуждать бесконечно тухлые, фальшивые новости о театрализованном русско-украинском противостоянии, кознях янки и интригах масонов.

Я люблю философию, хоть это имеет смысл только для меня. И польза и вред ее, для меня не праздный вопрос. Но...

МЕСТО ЖИЗНИ

Я живу в стране, которая усиленно интегрируется с Европой. Во всяком случае, она так думает. Официально и статистически. В результате этой интеграции китайцы толпами фоткаются на фоне днепровских синагог, а центр города на Днепре наполнен симпатичными араб-турецкими бородачами, снимающими украинских девиц. Банки предоставляют кредиты украинским гражданам на оформление трудовых виз за границу. Это удобно, чтобы покончить одним махом со всем. В том числе с проблемной Родиной, её безработицей, политической усталостью от постоянных и изощрённых манипуляций под выборы. Да и очень часто, это единственный выход.

На рекламном Биг-Борде полууголённая девушка из финансового учреждения протягивает вам деньги... Взамен вы отдаёте ей сущий пустяк, как для сегодняшнего глобального рынка труда... Свою судьбу.

Это реальность в которой я живу. От былой советской промышленной славы у Днепропетровска не осталось ровным счётом ничего, кроме серпов и молотов на старинных фасадах сталинок, а лакомым артефактом, для интеграторов остался знаменитый украинский чернозём, который ещё во вторую мировую войну, наследники воинственного Гегеля, вывозили вагонами в рейх.

Среди украинского города, на одинокой украинской остановке, свободно, по-европейски развалившись, лежит пьяный... негр. Это чудо интеграции я увидел однажды среди городской суеты, между судебными заседаниями и возрадовался. Это вам не банальный украинский бомж, бродящий, с целлофановыми пакетами времён оранжевой революции. Это, как ни крути, символ свободы и глобализации. Хоть и приезжий. Из просвещённой и цивилизованной Европы, давшей миру образцы демократии, прогресса, красивой жизни и конечно... мировой философии. Ту, которую люблю. Особенно идея дазайна. Хоть и звучит она, для меня, советско-русского интеллигента, остатки которых еще не занесены в книгу исчезающих животных, весьма алкогольно.

Я даже помню тогда захотел поправить ему голову, этому негру, так как показалось, что вот-вот он может свалиться со скамейки, как с постамента. И только моё благоговейное к евроценностям отношение, безграничная толерантность и уважение к чужой свободе, не позволили мне это сделать. Поэтому символ успешности украинской евроинтеграции продолжил лежать, как лежал, и падал уже без меня, думающего об этом только хорошее...

Но главное сейчас даже не это, тем более что скрытый вывоз земли взамен ввоза негров, в коммерческих целях, подозрительно затих, в ожидании уже официального открытия рынка земли, и соответственно очередного периода веры в «инвестиции», и в реформы. Все готовятся прожить ещё один, пускай короткий, но период беспечности и относительного благополучия, который нам любезно предоставляет глобализация. За наши же, ресурсы.

Главное не это. Главное это потешные шоу-скандалы и междусобойчики среди украинских элит, которые не утихают, на фоне туманных реформ и дружной борьбы с коррупцией, похожей на украинский гопак. Главный мотив современного времени: «ну и дураки вы все!» - тема всякого эфира. Контент наполнен анализами. По большей части пикантностями - кто, сколько и как украл из городского, областного или государственного бюджета, а очередной президент, мелькающий на экранах, уже на высоком профессиональном уровне, предельно цинично, превращает всё это в один большой перформанс из воздушных шариков и ответственных заявлений.

Грань шоу и реформ, вздора и реальности стёрта бесповоротно. Дозы массмедийных наркотиков - за гранью адекватности, которая уже никому не нужна. Попытки осознания реального положения вещей, как атавизм, приносит только боль и разочарование. Они вытесняются по Фрейду: поэтому на рынке бессознательных услуг полно предложений, чтоб забыться. Новые лица-кандидаты во власть и сетевые адреса спайс распространителей, на заборах отличаются друг от друга только официальностью. Наркотики и политические иллюзии, продаются и покупаются уже автоматически: бесконечные операции на общественном сознании, требуют высокотехнологичной анестезии. Пока мы можем организованно пить, курить, ходить на выборы, выпускать пар и впадать в политический анабиоз, нет проблем у современного человечества вообще. И у украинцев в частности.

Горе тому, кто попытается пробудить сознание. Он может увидеть неожиданное...

Истребители и «момент вечности»

Но как бы не были мощны глобальные институты, способные вызывать и заклинять первозданные социальные стихии, революции и войны (как и наш мистический трепет перед ними), нельзя забывать, что главная кнопка и расчёты, всё же принадлежат не им, а как ни крути Природе. Богу, Истине, Закону Вечности и пр. Назовите это как угодно. То есть тому, что каждая

эпоха, познавая по своему, называя и апеллируя к нему, по-своему, признавала за Вечный Абсолют...

Один даже такой момент «вечности» мне даже запомнился ...

Это было весной 2015 года, когда в разгар начала известных событий на Украине, над Днепропетровскими хрущёвками, на очень небольшой высоте, вдруг неожиданно стали летать... боевые истребители... настоящие... Я запомнил этот день. При этом не совсем было понятно, зачем они летают. Больших военных действий тогда ещё не было и в помине, а обыватели Днепропетровска бунтовать против новых революционных властей даже не думали. Против повышения квартплаты и проезда в общественном транспорте – да, против властей – что вы!

Но полёты боевых истребителей над мирным городом выглядели более чем неожиданно. И убедительно. Поэтому на время разгорающегося конфликта, все социально-экономические проблемы, благополучно ушли на второй план.

Может это был облёт площадей для пристрелки, а может быть акция «устрашения», не знаю, но в тот обычный мирный выходной день, я ходил за картошкой. На местный рынок. Появление страшного оглушительного рёва над головой, от которого закладывало уши и дрожало в груди, заставило меня и всех посетителей маленького базарчика, куда я пришел, задирать вверх наши глупые головы...

Ревущая вечность летала над нами. Входила в новые и новые виражи, поблёскивая металлом на солнце, издавая страшный звук и оставляя огненный шлейф газа и дыма. Истребители летали так низко, что видны были даже заклёпки на крыльях, и ещё советские звёзды!... От оглушающего рёва все приседали, цепенели и затыкали уши... Нас обывателей, видевших подобное разве что только в кино, это очень впечатляло! Когда над тобой, чуть ли не задевая верхушки тополей, на расстоянии каких то 100-200 метров пролетает стальная машина смерти, о чём можно думать как не о вечности...

Я возвращался с картошкой в мрачных раздумьях ... Конкретно – ни о чём. Я подумал, насколько страшно им... Тем кто заставил эти истребители летать и запугивать всех этих бабушек, собак и таких философов доморощенных как я! Демонстрация силы, это всегда элемент слабости. И неверия. С одной стороны...

С другой, я понял, а скорее с новой силой ощутил преследующую меня последнее время экзистенцию: наша жизнь, жизнь обывателей, не только в этой стране, а вообще на всей этой планете, судя по новостям и хроникам пожаров и войн, хрупка, ничтожна и не имеет, ровным счётом, никакой цены. На самом деле. Её кажущаяся размеренность и надёжность, как и необходимость кому-то, могут быть разрушены. В одночасье...

Я понял, что время тотальной хрупкости мира наступило. Давно.

Можно взять и выйти из этой маршрутки. Можно уехать из этого города и этой страны к чёртовой матери. Можно уехать в другой мир и спать там пьяным на остановках. Можно пересест с одного глобального конвейера на другой, и в потоке миллионов таких как ты сам, обывателей, мечтающих об иной, цивилизованной жизни, надеяться, что уж именно этот маршрут привезёт тебя туда куда нужно... Но вот куда нужно, остаётся неясным. Весь мир находится в состоянии растерянности и нервного суетливого ожидания. Смысл выходить?

Да и не возможно уехать «из себя». Я отношусь к тем ретроградам, которые не могут не любить свой дом, если они вообще способны любить, даже если он разрушается и рано или поздно всё равно развалится. От времени. От истории. О усталости. От лживой и нежизненной философии людей, которая доминирует в культуре.

Сегодня, во взаимосвязанном мире, уже давно идет речь больше чем о твоей отдельной стране и тебе самом, отдельном человеке. Сегодня речь идёт о таких судьбоносных вещах, что иной раз страшно думать.

Хороший повод для философствований, не правда ли?

Конкурсная ловушка. Философское караоке?

Признаюсь, с самого начала конкурсная тема мне показалась, не то чтобы простой, сколько даже вообще пошлой и примитивной.

К примеру, вопрос трехсотлетней давности «содействовало ли возрождение наук и художеств очищению нравов» - конкурсный вопрос Дижонской академии, на который пытался когда-то ответить ещё сам Руссо, был бы наверно более актуальным. Но в ходе работы, тема пользы и вреда философии для жизни, своей мнимой «примитивностью», оказалась не так примитивна, как кажется. Она оказалась приятно провокационна, ибо содержит много смысловых ловушек.

Конечно, первое, что бросается в глаза, для начала, это то, что тема УЖЕ предполагает наличие, у нас, неких готовых ответов, что такое философия, что такое жизнь и пр. Не говоря уже о знании пользы и вреда, как добра и зла по умолчанию!..

Ничего себе, подумал я! Сколько умов и веков, вплоть до нашего, самообольщённого «технологиями», в том числе философскими, времени, велось и ведётся дискуссий, сколько думано-передумано, и тут вдруг подавай ясность... Я решил, что задумано это сознательно. Как некий барьер. Пройти мимо него, позволит себе либо тот, кто чересчур уверен в себе и своих философствованиях на основе самопальных конструкций или существующих многочисленных академических штампов, и это сразу сделает прогнозируемым любое «творчество». Или же тот, кто, осознав всю «ясную неясность» исходных данных, будет обречён благополучно увязнуть в болоте собственных определений. Тут то ему и конец!

Отягощённый изобретательством лодки, очень быстро устанет ещё на берегу, так и не выйдя в большое философское «плавание». Такой «фильтр» значительно упрощает задачу в деле отбора, так как создаёт прогнозируемые смысловые ряды, которые давно имеют свои изученные интенции, аналогии, стереотипы, и в которых, профессионалу, можно будет разобраться одним беглым взглядом.

А если ещё учесть, что в конкурсном задании утверждается о их (пользы и вреда) одновременном (!) сосуществовании, то кто, скажите Бога ради, не расшибёт лоб, о такую антиномию? Уверен, большинство будет говорить о диалектике любого явления, в том числе философии и на этом философия обычно стандартно заканчивается.

Прикинув, что всё это хорошо, но слишком просто, я стал искать ответ в причине темы, в её симптоматичности, как для нашего времени. В самом деле. В самой теме, по сути, декларируется фактическая и практическая шаткость предмета, утрата ею всяческой почвы как института РЕАЛЬНОГО знания, её связи с задачами непосредственной жизни! И эта безосновательность так же очевидна, как и неожиданна. Никто ведь не проводит открытые конкурсы на тему, «что вы думаете о последних ракетных двигателях»? или «как нам победить рак?» или «как покорить плазму»? Эти вопросы требуют как минимум знания специфики предмета. А вот в философии можно. Тут всё как в первый раз. Получается, что философия, исходя из заявленной темы, сама находится (который раз!) на экзистенциальной грани своего бытия и небытия! Вряд ли тема подбиралась наобум.

Опять же, подумал я, если относиться к теме с полной серьёзностью, как к искренне заданой (а не постмодернистски анархично и эстетски), то каков смысл в наших обыденных ответах для уважаемых учёных из комиссии? Если даже ОНИ точно не знают, то, что им могут нового и хорошего сказать те, для кого философия - хобби под водочку? Что случилось, что профессионалы стали, нуждаются в любителях? Я верю, что подобные конкурсы, вряд ли проводятся из праздного любопытства. А искренность меня всегда подкупала. С одной стороны очень искренний вопрос. С другой... Не слишком ли нарочито саморазоблачение, для философии, при такой постановке проблемы?

Свобода для заблуждений

Если вспомнить ещё совсем недавние, «классические» определения философии, как - от «любви к мудрости» и философии как «резюме культуры» (Гегель), до недавних, крайне расплывчатых постмодернистских определений - «ощущений» философии, сливающихся в одну какофонию, но хоть как-то оправдывающих её существование, то тезис вынесенный для обсуждения, мог бы прозвучать, допустим и так: - «польза и вред... науки о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления» для жизни. Согласитесь,

звучит даже не смешно... Или мудрость и понимание «общих законов развития природы, человеческого общества и мышления», как и «резюме культуры» по Гегелю, уже не нужны никому, вследствие неопределенности пользы и вреда оной (чего больше – непонятно) или философия, как массив безжизненных и заумных бредней, стала совершенно обременительной, лишней и вредной для пищеварения и благодного сознания массового потребителя современной информации. В том числе философской.

В чём польза и вред «уникального духовного феномена» - философии, если по Ясперсу!?

Нужно ли это бедному студенту, обязанному чему-то там учиться, ради спокойствия родителей за их капиталовложения в образование чада?

Задача на мой взгляд, интригуется ещё и тем, что в теме конкурса, звучит даже не вопрос (допустим: «в чём польза и вред философии для жизни?»), а утверждение, мол, есть польза, и есть вред. И все. И мы должны, на основе наших смутных данных и представлений, просто описать этот очевидный факт. Чем не философское караоке...

Я долго не мог отвязаться от мысли, что такой постановкой вопроса, тема варваризируется. Что это? - думал я. Неужели это просто одно из многих подтверждений современной декультуризации нашей жизни, которые по-своему просочилось и в представления об актуальном философской конкурсной комиссии, и что вполне симптоматично рассыпанию больших культур на субкультуры, в данном случае философские интеллектуальные субкультуры, чопорные и наивные, которые мы по наивности, и в гипнозе современного бытия - эйфории, воспринимаем за плюрализм, широту интеллектуальных исканий? А наша условная «свобода заблуждений», политических, культурных, в том числе философских, которая приносит уже столько же зла, сколько и добра, апогей учёной наивности?

В кризисы, для жизни нужна не свобода вариантов, не эклектично-винегретное мышление и миропонимание, не соответствие канонам и технике приятного академического философствования, а то, мыслимое, мудрое, что эту жизнь даёт. То, что даёт ей основание, разрешение, и то, что отталкивается от неё же, как от основания, чтобы к ней и вернуться, обогащённой новым пониманием. Жизнь порождает представления и представления должны порождать поддерживать жизнь. Не важно, мифологичны, ли они, для кого-то, или научны. Как говорят китайцы неважно, какого цвета кошка, главное чтобы она ловила мышей.

Приблизительно так я думал, собираясь покорить философскую комиссию своим отрицанием такой постановки проблемы. Но не тут-то было. Чувствуя шаблонность, автоматический схематизм и этого направления, я снова пытался вырваться за рамки... И снова терялся.

Философия для философов

В конце концов, подумал я, мышление человека, выраженное в любом виде, философском и не очень, тексте, изделии, продукте, движении глаз, анекдоте, всегда есть и его мудрость, его философия. Конечный, избранный им, лично им, овеществлённый, реализованный результат его мышления. И если первоисточником философии мы резонно, видим мышление **ВООБЩЕ**, то, ответив на вопрос что является причиной мышления, мы ответим и на вопрос, и что такое философия.

Слово «философия» не должно нас вводить в типичное гипостазирование, не должно мистифицироваться сверх меры. У философии, как и у любого слова и образа, который стоит за ним, не было, нет, и не будет обособленного, самостоятельного значения. Теряется связь вещей. Поэтому содержание, звучание, текст могут быть разными, а сущность одна. Мышление. Что связывает наше мышление с первоизданными силами и законами природы мы пока опустим, ибо для меня это - слишком «тема».

Но если оправданна тождественность в соотношении философии и мышления, то вправе ли мы тогда ставить вопрос о... пользе и вреде самого мышления? Может лучше вообще не думать? Ни о чём. И ехать в разрушающейся маршрутке цивилизации, не страдая сознанием кризиса человеческого бытия? Назвать, постмодернистски, философией подборку цвета телевизора для интерьера и успокоится? И вред философии это уже давно доказанная политивизмом традиция?

Ну нет господ! Не случайно разделение общественного труда выделило такой институт общественного сознания и самосознания как философию или то, что ею должно было бы быть для насущных, а не придуманных нужд общества. И её текущий кризис, расслоение, деморализация, дезориентация, вовсе не означает конец, как и конец истории, как нынче экстравагантно, удобно и популярно принято думать, бродя по пахнущим плесенью библиотекам и слушая Дугина в наушниках. Такая позиция позволяет увиливать философам от своих прямых обязанностей быть МУДРЫМИ. Не умными. А мудрыми, а это не одно и то же. То есть, позволяет получать те же деньги и уважуху, но за существенно зауженный спектр вопросов. Это конец старой философии и старых представлений о ней. но не конец философии, как любит эпатировать мистер Дугин и постфилософы.

Надо иметь мужество, страдание и силу пытаться дать новый ответ, не для собственного самолюбования в философической позе с кафедр, для потехи и утешения себя иллюзиями собственной исключительности, на рынках мудрости, а честно и открыто. Для саморазоблачения, которое уже требуется самой жизнью человеческого вида. Время пришло.

Для меня философ это саморазоблачитель. Человека. Во имя самого человека. Саморазоблачение, мучительное, глупое или умное, дает свет для будущих поколений. "Бог молчит и не дает никому откровений, ибо никто уже не способен поклониться достаточно низко," говорится в еврейской притче. Так и тут.

Более того, это саморазоблачение должно быть так ясно, чтоб это было ясно, и самому... разоблачителю. Современные философы часто умышленно или нет, но усложняют свои собственные мысли, придумывая новые слова и схемы, нагромождая их одна на другую, предполагая, что этим делают себя и свои теории умнее, а значит универсальнее и полезнее, в глазах потребителей мудрости... О, если бы Оккам начислял зарплату!

Быть философом, в моём наивном «народном» понимании, это не значит произносить хитроумные наукообразные философические звуки в разных причудливых конфигурациях, по случаю, социально паразитировать и спекулировать на архетипе мудреца – шамана, заклинателя горя и несчастий человеческих, не будучи таковым. Заниматься не поиском, не добычей, а... ПРИДУМЫВАНИЕМ чего-то сверхценного, и продажей его на коммерческом рынке приватизированных философских мнений. Быть философом среди людей, это значит работать вместе с ними, бок о бок, мыслью и нравственно, соединяя всевозможные передовые знания в одну синтетическую мудрость, полезную для ориентирования БОЛЬШИНСТВА рода людского, а не специфически узкой касте, классу или отрасли, корпорации или сфере производственно-торговых отношений, как правило, квазирыночных, геополитических. По формированию среднестатистических убеждений масс.

Философами становятся только от колоссальной внутренней решённости и необходимости, от сочувствия вселенской боли человека и состраданию природе, и отсюда, сознания пустоты бытия, если хотите. Философ, постигший эту пустоту, но сознательно остающийся нравственным, вернувшийся к людям, пройдя круги ада, случайно ли, или осознанно, уже неважно, обязан мужественно и без слюней стремиться эту пустоту заполнить. А боль заглушить. Не просто для себя, но и для людей, потому как они, эту пустоту и боль бытия, если не понимают, и не осознают, то обязательно чувствуют. Они ведь живые. Люди то. И обманывать нельзя. Потому философ мечется между адом и раем своего познания и долга быть человеком, вглядываясь в каждый шаг между ними... И эту тайную историю своих метаний он обычно уносит с собой. Навсегда... Оставляя эти судороги новым поколениям.

А если без пафоса... Я против философии для философов, в любом её виде. И если кто-то запутался, это его проблемы. Быть философом среди людей, это просто значит УМЕТЬ правильно отвечать на их НАСУЩНЫЕ, не надуманные самим философом (или кем то), а жизненно важные вопросы. Отвечать так, чтобы это было как минимум полезно (ибо всякая человеческая деятельность, в том числе философская, заключена исключительно в поиске, извлечении и обмене Благом с обществом) и психотерапевтически нескудна, ибо жизнь тосклива и примитивно трагична. Это маяк для любой общественно полезной деятельности.

Кроме того, и я не ленюсь повторять, что мысли О ФИЛОСОФИИ, о её проблемах, самой философией не являются, хотя все в этом меня убеждают. Как не являются, допустим, справедливостью, разговоры о ней. Или научный семинар по выращиванию помидоров, не является самими помидорами. Научное мнение о выращивании помидоров имеет смысл и благо, только в контексте реального повышения урожая помидоров, но самими помидорами, и самим повышением урожая, оно никак не является. Так и тут. Справедливость, нравственность, и пр. это акт. Действие, ПРОИЗВЕДЁННОЕ и ОВЕЩЕСТВЛЁННОЕ, согласно установленным данным обществом, в данных исторических условиях, представлений о Блага. Но в современном тотально отчуждённом обществе, живущем в культуре паллиативов и виртуалий, реальный предмет, акт или вещь, подменяются контекстом, прообразом. И наоборот контекст наделяется самостоятельным значением. Гипостаза, возведённая в норму.

Философия это не только что человек говорит, но и то как он себя в итоге ведёт. Поэтому и проблемы философии, не могут быть самой философией (хотя в большинстве своём современная философия именно так и выглядит), так как в противном случае она превращается в узкопрофильную процедуру, с непонятной целью. К сожалению, история философии, вечные проблемы её интерпретаций, как имитация философии, давно подменила собой её первичную сущность - мышление ради Блага. И это для меня очень важный момент её понимания, и к нему я ещё буду возвращаться не раз.

Как вы поняли, мое представление о философии весьма шаблонное, народное.

И вот, глядя на тему и все сложности, я решил, что не буду: ни пытаться давать определений, ни примыкать к тому или иному бесчисленному философскому направлению, ни делать слабых намёков на это, чтобы в случае угрозы разоблачения моей некомпетентности, пытаться спрятаться за многозначительностью. Думаю, это сделают и без меня. Я попытаюсь это сделать косвенно. Как?

Я и Серёга

У меня есть знакомый. Сосед. Звать его Серёга.

Парень он простой, а время кризисное. У Серёги, как у всех, то дела идут в гору, то опять без работы... и без денег. И вообще. Время от времени я вижу его то с одной подругой, то с другой. То грустным и одиноким, то возбуждённым и сияющим от счастья. Готовым даже жениться.

Мы с ним как-то раззнакомились. Он, отметив моё абсолютное доужелюбие к нему и узнав, что я юрист (типа грамотный), время от времени стал спрашивать, что означает то или иное слово в политике, в истории и пр. из телевизора. Спрашивает искренне, по детски, совершенно не опасаясь, что я его пристыжу, мол, как же так Серёга, тебе такого не знать! Мозг Серёги как мозг талантливого ребенка, соединял идеи в самой причудливой манере и вызывал у меня то дикое веселье, то восхищение.

Жизнь самого Серёги как в чёрно-белом кино. Недавно опять его кинула очередная... Или он кинул. Не знаю. Но вообще он добрый. Я всегда с интересом наблюдаю, с каким плохо скрываемым удовольствием он общается и играет с чужими дворовыми детьми... Но официально он говорит «нахрен надо». Парень не урод. Часто не пьёт. Не глуп. Иногда простой и прямой, как антенна! Так вот. Жизнь у Серёги разнообразная: взлёт и падение. И опять на взлёт!.. И опять падение... Как у всех. Как у большинства тех, с кем я общаюсь

Как-то иду. Смотрю, сидит во дворе мой Серёга, за столиком. Выпивший. Точнее пьяный. Если ещё точнее, очень пьяный.

Завидев меня, он поднял руку как в школе, и вытянул указательный палец. Это означало, что у него есть вопрос. Ко мне. Как учителю... Это было так непосредственно...

Я остановился и стал ожидать привычных в таких случаях жалоб на всё и всех. Бабы. Жизнь. Политика. Бабки... И по кругу... Глупо конечно... Но я всегда терпеливо его выслушиваю. Почему? Ему трудно отказать. Потому что на самом деле, я не намного лучше и умнее его, Серёги. Как говорят, терпилы сквознякового...

Серёга повертел своими пьяными глазами и убедившись что я его внимательно слушаю, коротко произнёс:

- На хрена, это всё?

- Что всё, - переспрашиваю.

Он устало боднул головой воздух.

- А вот это вот всё!?! – и очертил глазами вокруг себя...

Мдаа... Если б ты знал, Серёга, сколько веков, именно в таком состоянии и именно на такой вопрос, столько людей пыталось ответить, нуждаясь скорее в утешении, чем в растолковании! Если б я знал ответ!... Такой же короткий, как и твой вопрос.... Эх Серега!

МОИ «ФИЛОСОФСКИЕ» АКАДЕМИИ

Я подумал, почему бы мне не ответить на тему иначе. А именно путём личного рассказа о том, как я сам пришёл к тому, что обычно называют философией, в самом обыденном и простом значении этого слова. Как я сам пришёл к необходимости мудрости, если хотите. Почему и в результате чего я сам лично стал испытывать потребность в ней, и почему только благодаря ей, я сегодня сохраняю в себе человека, в этом бушующем безумном мире кризисной цивилизации, где все нарывают тебя рыночно обмишурить. Или на крайняк бросить бомбу на голову, за деньги, чтоб ты уже не мучился со своей культурой.

В самом деле. Мой рассказ как документ, позволит читателям, во-первых, легче понять мою позицию вообще, Во-вторых, как бы пафосно и смешно это ни звучало, покажет, почему именно она, философия или то что ею принято называть, (философия в моём простонародном понимании), помогает мне теперь, как юристу, в работе с нашим обычным кризисным населением. В данном случае - с украинским. С таким же успехом я мог бы быть юристом албанским или китайским. Сути это не меняет. Любому человеку который хочет быть специалистом своего дела, некое философское обобщение его деятельности просто необходимо.

Я исхожу из того простого и распространенного убеждения, что нет на земле человека, который в силу своих сил, воспитания, возможностей, уровня образованности (самообразования) не философствует, не пытается составить синтетическую и аналитическую картину мира сего. Не пытается дать оценку многочисленным фактам, как аффектам своего бытия.

Как сказал Гассет, «философия неотвратима», а как тогда можно трезво говорить о пользе или вреде того, что неотвратимо?

Моя философия - это попытка компенсации тех проблем и кризисов сознания, которые я периодически испытывал в результате своих биографических пертурбаций. А так как всякая биография неотрывно связана с историческим процессом то, стало быть, в результате переживания периода истории отведенной мне судьбой, для самонаблюдения, я, и ограничен ею, и ограничен в этом.

Кроме того, мне казалось, что тема конкурса, либо слишком «кризисно» обширна, чтобы пытаться её в чём либо конкретизировать, либо слишком «кризисно» конкретна, чтобы делать некие полезные для философии обобщения. Однако и это может быть одним из ложных путей для нас доморощенных исследователей. Поэтому я оставляю всякие попытки соответствия.

О кризисе во всём, в том числе и в философии, сегодня не говорит разве что мёртвый. На кризисе можно бесконечно и безопасно философски спекулировать, выдавая его за полезный актуальный момент. Кризис - понятие относительное и даже перманентное: осознание нами сути кризиса сегодня, нисколько не говорит об отсутствии кризиса раньше. Кризис - постоянное имманентное состояние, сравнимое с Гераклитовской вечной войной, движением, Пифагорейским горением мира и прочим подобным. Варьируется лишь историческая оболочка, и степень нашей осознанности его и социально-политического значения этой осознанности. Таким образом, зацикливаться на нём, на кризисе философии, тоже нет смысла. Кризис общих философских форм, не говорит о кризисе потенциального содержания философии. Что-то устаревает и должно умирая, давать место новому. Пришла пора больших смертей, в том числе и в философии, чему ж тут удивляться?

Однако невозможно быть справедливым и объективным, и строить свои концепции, не касаясь критически других, не отталкиваясь от них. Так же невозможно критиковать чужие концепции, не строя своих, не опираясь на них. Пока, же, учитывая вышесказанное, приходится сделать следующее упрощение: существующие декларируемые польза и вред философии, друг друга уравновешивают своей неопределенностью! Раз так, нет ни пользы, ни вреда от этой философии. Сила действия равна силе противодействия, стало быть, и движения нет никакого. Философского движения... Так получается...

Мы не должны соглашаться с таким положением вещей, хотя бы в память поколений, живших до нас философией, и именовавших себя философами, людьми, любящими мудрость, стремящихся к мудрости, лелеющих мудрость, как единственную ценность и благо своей и общественной жизни. Потому я готов принять вызов варварской грохочущей беспочвенности и бессмыслия современного информационного технофилософского религиозного потока, отражённого в названии темы конкурса, и попробовать дать свой, по возможности понятный ответ на скрыто поставленные вопросы, под общей темой «О пользе и вреде философии для жизни».

Путём саморазоблачения.

КОШКА, Я И АФФЕКТЫ.

У меня есть кошка. Глядя на неё, я почему-то часто думаю о том, что рано или поздно, эта тварь божья, всё равно когда-нибудь сдохнет. Как бы, я её не любил. И я, её хозяин, как бы сам не любил жизнь, в этом смысле ничем не отличаюсь от своей кошки.

Впервые о существовании смерти, а этот миг я запомнил, я узнал, беседуя с матерью, во время лепки пельменей – была такая в моём далёком советском детстве традиция, как лепить пельмени всей семьёй, на кухне. И обсуждать всякие новости. Под звуки радио. Я был мал и после моих долгих и нудных детских уточнений и расспросов матери, а также после её простых, но ошеломляющих ответов, в результате которых я узнал главное, то, что когда-нибудь меня не станет, а также не станет моей мамы, я сначала завис. Потом слёзы брызнули у меня из глаз и мать долго меня успокаивала, очевидно, совершенно не ожидая такой бурной реакции. Меня всегда в этом смысле недооценивали: если до меня и доходило что-либо, то доходило слишком хорошо.

Любить и всё равно знать, что есть смерть, это та самая глубинная и характерная для миллионов людей впечатляющая психотравма, которая по большому счёту или отравляет или облагораживает наше сознание, в конечном итоге. И даёт энергию. Как взрыв. Я в этом не оригинален. Поэтому параллельно я всегда думаю об относительности всего и абсолютности всего. Одновременно.

Хорошо известно, что культура целых обществ создается, формируется, под воздействием масштабных исторических аффектов, создающих в массовой психике устойчивые условные рефлексы. Хоть и медленно затухающие. Так и человеческий характер складывается, кристаллизуется из аффектов биографических. Судьбоносных. А мы, философы (ха-ха), чего греха таить, таки тоже люди. Этот механизм формирования характера и сущности эпох и философий, неотвратим и безжалостен. Он жёстко держит нас в рамках своих выработанных рефлексов сознания народов, с их культурами и мировоззрениями. Чтобы видеть их со стороны, надо уметь выходить из машины. В данном случае из себя.

Итак. Первоисточник философии я вижу в мышлении **ВООБЩЕ**. Мышление всегда стимулируется проблемами. Стимулами. Для меня, даже первобытное мышление несёт в себе зачатки философии, т.е. протофилософские формы. Слова, которыми мы оперируем, все условны, мифологичны, инструментальны. Потом, в ходе эволюции, разделяясь на **ПРАКТИЧЕСКИ НЕОБХОДИМЫЕ** социально-культурологические или научно-инновационные исторические дисциплины, формы и субпродукты мышления, сопровождая разделение труда (как по мне точнее выразиться: разделение сфер воспроизводства) эти инструменты - артефакты мышления становились, по мере вызревания, религиями или доктринами, мифами и

идеологиями, науками и пр. чем угодно, по необходимости, которую, диктовала жизнь. Воспроизводство жизни.

Требование к философии (мудрости), менялось исходя из потребностей эпохи. Иногда она, в большей степени становилась политической идеологией, иногда религиозной доктриной, иногда фольклором, иногда военным кличем, иногда салонно-кухонным брожением. Нам предоставлены бесчисленное количество школ и направлений, застывших форм, от старых до современных, которые дают свои «ускользающие версии», с большей или меньшей долей синкретизма. Нам даны контуры или философские образы - направления, как разные мотивы или причины познания - гедонистического, гуманистического, индивидуалистического, футуристического и др. характера. Кроме проблемы интерпретаций (по Рикеру) есть ещё проблема полноты материала. Думать, что философское наследие, которое до нас дошло, и которое мы впитали, всяк по-своему, и есть ВСЁ, что на самом деле выдавало человечество в качестве философского познания, весьма глупо.

Сгоревшие в войнах культуры и библиотеки, казнённые ради спокойствия обществ вольнодумцы, преданные искусственному или естественному забвению мыслители и их мысли, навсегда стали непроглядной тенью человечества. Поэтому быть уверенным в конечном исходном материале, это всё равно, что судить о глубинах океана по пене волн, шумно докатившихся до нас, мирно и по обывательски греющихся на пляже.

Вот так, пытаюсь наложить свой опыт на представление об опыте прошлого, я и хочу начать с тех проблем, с которыми столкнулся по жизни сам, и что послужило источником моего собственного психического напряжения, сублимировавшего т.с. и мои философствования в конечном итоге, и которые я, умудряюсь использовать в практике юриста общественника – самая удобная форма оставаться в реальности. Пока же я выделю два ключевых фактора, повлиявших на мои экзерсисы: первое, моя врождённая и не очень современная впечатлительность природы, с которой, по жизни, обычно страдают больше чем наслаждаются. Второе объективно - проблемы личной биографии и социальной истории общества, в котором мне повезло родиться...

Я просто вынужден был все аффекты своей биографии подвергать философскому анализу, по бесконечному количеству раз. Это был залог моего выживания.

Маньяк, Фрейд и я.

Теперь звучит удивительно, но прямым толчком и причиной моего жгучего интереса к философии, послужил т.н. павлоградский маньяк, который орудовал на излёте советского союза в 90-х, в разгар перестройки, и которого я задорный и либидозно озабоченный дембель, пошел ловить в милицию.

Советский человек, к концу перестройки, напоминал отвратительное и безответственное существо, которому все чего-то были должны. А сам он вообще ничего не должен. Он просто ходил на работу и только по этой причине считал себя центром вселенной. Это сейчас он приобрел законченные формы социального банкрота, когда его планомерно и высокотехнологично лишили всего, а тогда он был всего лишь социальным идиотом, верящим в чепуху... Богатеньким социальным идиотом-геростратом. Идиотство советского человека формировалось постепенно. Не сразу. Началось это сразу же после второй мировой войны и дало реальные плоды, уже в конце 80-х, когда геростраты шли ломать свой дом. Но не это тема моего рассказа.

Культивировалась философия и мировоззрение рачительного и заботливого хозяина, слухи о существовании которого, сначала подспудно, а потом и открыто стали муссироваться в прессе, телевизоре, а затем и на перестроечных кухнях. Призрак рачительного хозяина бродил по совку и манил народ достатком, новизной, крутизной и хорошо забытым жлобством. Хозяина ждали все. Но хозяин, как тень отца Гамлета, постоянно маячил где-то, крутил фиги, портил воздух и постоянно куда-то исчезал с кассой.

«Хазяина нет!» - упорно бурчали граждане и несли свои кровные в очередное доверительное общество, сетуя на советскую ущербность. Когда же тоска по рачительному (явление которого постоянно задерживалось), начинала утомлять, а «позитивность некоторых реформ» не успевали

забалтывать, и все начинали видеть картину банальной разрухи, демагогии и развала, начиналась экстренная... вера в народ. Под выборы. Мол, сейчас народ придёт, поднимется и скажет. Встанет и большой жилистой рукой, как на многочисленных советских плакатах, даст по башке одним и восстановит справедливость и порядок другим. Что это должен быть за порядок, в чём она, справедливость заключается, никто толком не знал, и знать не желал. Знали только одно: всё должно быть цивилизованно. Как ТАМ... Страна «какатамия» снилась всем.

Я где то слышал, что в тепличных агротехнологиях есть такая хитрая агрономическая уловка, как «напугать растение». Это когда в теплице, путём допустимого снижения температуры, растение как бы «пугают». Температуру снижают до плюс пяти, допустим на день или два и потом обратно... И растения, напуганное охлаждением, начинают просто чудовищно плодоносить... На радость предприимчивым хозяевам теплиц...

Так и тут, возможно напуганное голодом и дефицитами, перестроечной разрухой, войнами и полной неизвестностью, постсоветское население подобно огурцам в разрушенной теплице, начало неистово стремиться к веселью и совокуплению. Нор без размножения. Пир во время чумы, растянулся на десятилетия. Посев комсомольских эротических видеосалонов и статей про романтических проституток и интердевочек, Лолит, маленьких Вер, произошел в благодатную уваженную почву советского обывателя. Заскучавшего, от сенсорного голода. Все женщины неожиданно оказались Сонечками Мармеладовыми. По умолчанию...

Помню свой очередной идеологический спор с женой, у коляски дочери, где она доказывала мне, что набоковская «Лолита» это шедевр мировой литературы и всё такое. А я горячо убеждал, что это клиническое описание девиантного поведения самоволюбленного эстетствующего типа, и оно не может быть тиражируемо, так как эффект от него, в конечном итоге, мало чем отличается от порнухи... Которую мы с ней же и смотрели. Я оказался ужасно старомоден и консервативен. Меня обвинили в зависти к успеху писателя...

Мне бы поменять философию и не становиться в позу патриархального стойка, но... мы с женой, по советски, читали много и постоянно ругаясь, расходились во мнениях...

Никто собственно и не удивился, когда в моём родном Павлограде, вместо рачительного хозяина или великана народа, в конце 80-х и начале 90-х объявился... сексуальный маньяк.

Появление маньяка было логичным. Его следовало ожидать, настолько круто, вверх тормашками, перевертывался мир бывшего СССР. Рынок и эротизм хлынул в некрепкие совковые мозги, порождая барыг и проблемы ранней беременности.

Это допустим сейчас я понимаю, почти по Крафт-Эбингу, что когда культура перестает табуировать психополовую энергию масс, и стало быть не способствует ее сублимированному направленному участию в общественной жизни, цивилизация начинает закономерно кушать саму себя. То есть приходит в упадок. Из-за элементарного недостатка усилий по своему же поддержанию и регуляции... Вместо ремонта канализации, отстаивания социальной справедливости или творческого усилия, всё уходит в направлении гениталий и фантазии...

Чтобы удовлетворить эти сексуальные фантазии, нужны деньги. Побольше денег. Чтобы добыть побольше денег, чем это тебе даёт официально среда, нужно уметь залезть в карман к ближнему. Чтобы залезть в карман к ближнему, нужно не только перестроить свои мозги, нужно постоянно оглуплять этого ближнего. Чтобы оглупить мозги ближнего надо убедить всех в справедливости такого оглупления. Но тогда я воспринимал всё за объективную реальность. Мы ведь ощущаем и понимаем реальность, в рамках своего уровня социального и индивидуального сознания. Всё остальное нам кажется стихийным, природным и не подлежащим осознанному влиянию или воздействию. Поэтому рынок, развал, маньяк – это была стихия. Это природа... Так казалось... Но связь была. Я её чувствовал своей слишком впечатлительной и чувствительной натурой, и не безотчетно. Как бы там ни было, а бизнесо-половое безумие выковыривало остатки мозга у вчерашних неудачливых строителей коммунизма. Наносной и дурошлёмский советский пуританизм, сменялся таким же смешным и дурошлёмским бардаком. Собес срочно реформировался в публичный дом. И наоборот, публичные дома теряли свою былую романтику

запрета и превращались в казённые грошовые собесы... Если первое десятилетие перестроечной бизнес и сексуальной революции сопровождалось дурошлётством мелких лавочников, и развратом пока бесплатным, то потом всё подверглась системной монетизации, и приобрело цивилизованную форму рыночных услуг. А тогда всё было идейным. Бизнес и разврат.

Жизнь моего поколения, начавшаяся под девизом, что она (жизнь), должна быть обязательно в кайф (человек создан для счастья, как птица для помёта) сыграл со всеми нами, злую шутку... Половина моих одноклассников по профтехучилищу, где я учился до армии на сварщика, уже тогда в конце 80-х, наркоманила или пила. По-взрослому. Кое-кто, так и не вышел из того алкогольно-наркоманского пике... И уже в свои тридцать пять, я умудрился повидать могилы своих сверстников – покорителей успеха и кайфа. Я наблюдал эти полувоенные картинки, мельтешащие мимо меня, и думал, думал, думал...

Это потом, выжив, повзрослев и осмотревшись как смог, я понял, что пока народ неистово спекулировал, совокуплялся, бухал и кололся, и сходил с ума, постигая красоту индивидуальной свободы и вседозволенности, в стране шёл процесс судьбоносного размжевания и растаскивания общего добра: предприятий, должностей, служб и вообще социально значимых вещей, по отдельным карманам. Народ чувствовал, что с ним, происходит нечто грандиозное, но никто не мог понять, что именно...

Я тоже не понимал. И тоже чувствовал. И вместо того чтобы зарабатывать как можно больше денег, любыми средствами, бросить на это всю страсть своей авантюрной творческой натуры, я, правильный советский мальчик, пошёл в... милицию. Ловить вышеуказанного маньяка.

Не только потому, что там стабильно платили, и мать уже говорила, что мол, хватить шататься после армии. Меня просто очень возмущало существование таких неромантичных подонков. Меня, читающего тогда с женой Достоевского, и которого я ныне просто не перевариваю, реально и ужасно заинтересовал маньяк...

Слава о нём, об этом Павлоградском маньяке, разъезжающем на велосипеде, нагло и вызывающе творящего свои страшные дела с малолетними девочками, стала греметь по всему Союзу. Павлоградцы, даже загордились... Мол такое чудовище только у нас и могло... Но они ошибались: волна сексуальных преступлений, захлестнула весь перестроечный СССР. А в наш район, благодаря слухам и пиару по ТВ, даже приезжали туристы, из других городов, поглазеть на места страшной славы...

И вот, именно этот маньяк, который бродил где-то рядом с тобой, как в средневековом детективе, общее социальное напряжение и неблагополучие, мои собственные комплексы и страдания ребёнка, у которого произошел раскол в семье, и жгучий интерес к происходящему **ВООБЩЕ**, заставили меня, молодого милиционера, заинтересоваться темой. Ну и разного рода литературой. Началось с изучения криминального дела. С ним, нас молодых оперативников и патрульных постовых, которые должны были переодетыми в гражданку, патрулировать каждый на своём участке, знакомили под роспись. И надо сказать, что эта папочка, и документы в ней произвели на всех неизгладимое впечатление. Мы потом долго её обсуждали с товарищами, за пивом, уже после работы.

У некоторых, как и у меня, в то время уже появились свои дети, и наша тревога, ненависть к любым сексуальным маньякам и хорошая зарплата, стала определяющей. В большинстве своём, мы были простыми советскими парнями, готовыми в любую минуту, ринуться в последнюю смертельную атаку за Родину. Теперь, то я уже понимаю, что это не так уже было и плохо, для страны, для культуры, и для самой Родины. Но тогда... Чувство нашей противной бараньей стадности, неполноценности, нашей совковой серой однотипности, очень обижало и оскорбляло. Поэтому все выделывались, как могли. Во всяком случае, именно в этом нас убеждала массовая культура того времени. Нелюбовь к своей стране, скучной и неразвитой, пошлой и неправильной, была расхожим явлением, так как страна была плохая. Да и как эту любовь выразить? В чем?

Зато патриотизм и любовь к Родине, снова стали востребованы, уже после смены общественного строя, когда Родина изменилась, когда она была превращена в фирму, торгующую народным барахлом...

Поражённый папкой, я увидел образ наглого, хитрого, умного преступника. Как в голливудском кино. Злодей, оказывается, мог обманывать оперативную систему самых прожженных советских следаков и оперов. Это было конечно полной чепухой. Всё было значительно прозаичней, циничней и страшнее. Я раскрою тайну павлоградского маньяка в конце, а тогда, поражённый образом преступника, его хитростью и умом, я стал усиленно читать... Фрейда. Почему? Ну во-первых, о сексе. Во-вторых, об извращениях. В-третьих, мне показалось, что и во мне есть что-то подозрительное... Да и Фрейд продавался везде. Удивительно, но именно с увлечения психоанализом, его последователями, началось моё знакомство с разного рода философскими теориями и прочим.... Маньяк выедь такой хитрый и умный. И тебе надо стать умнее, чтоб его словить...

Тут я должен более ясно описать обстановку. Рыночные реформы 90-х и право частной собственности, индивидуализация культуры, эмансипация и сексуальная революция, как бульдозером сносили сначала советскую империю зла, в которой я родился, а потом и остатки бывших социальных традиций (по большому счёту это были именно они), семьи, искусства, политики и прочего. Всё это сначала разрушило кучу семей, в том числе и семью моих отца и матери, своими соблазнами и ломкой представлений о допустимом, а затем, наконец, мою собственную семью. Именно так: социальные и культурные «реформы» ударили, прежде всего, и непосредственно по семье. Изнутри, как институту и остаткам общинного характера мышления, поведения и сосуществования, и которые преобладали у советского общества – в основном наследников культуры крестьян.

В этологии есть понятие как коллективная и индивидуальная стратегия выживания видов. Думаю, что в условиях общества оказавшегося в «эпоху перемен», обостряются обе эти стратегии, они варьируются и сплетаются друг с другом. Ясно было одно, общей семьи, общего государства как квази семьи, уже не будет. И это данность. До сих пор люди продолжают, на поверку, рассуждать общими понятиями, опираясь на прошлые советские представления, сути которых уже давно нет. Но иначе они не могут - другого у них нет.

А в самих «либеральных рыночных реформах» по сути, принципиально, не было ничего нового. Очередной всплеск, прорыв в массовое сознание животного эгоизма, ставшего доминантой поведения общества в частности и человеческой цивилизации вообще. Нарядившегося в яркие жупелы прогресса и впоследствии узаконенный правом частной собственности. Я просто был один из миллионов, кто попал под бульдозер истории, и всё моё достоинство или отличие, это только то, что я ПОСТОЯННО СОЗНАВАЛ ЭТО.

Но я должен был выживать, и потому перемены, вместе взятые, меня незрелого максималиста и романтика, обозлили и дезориентировали мировоззренчески. Пока я пытался осознать произошедшее и обезвредить в себе самом яды разлагающейся советской культуры, пока я наблюдал статистические процессы, моя собственная судьба была уже изрядно разрушена. Я попал в социально негативную статистику разводов. Если конкретно, то моя семья распалась. По сути на идейной основе. Реформы и эмансипация женщин разлучили меня с моим ребёнком: женщины уже не нуждались в статусе замужних, как наиболее социально приемлемом.

В результате последующих мучительных самокопаний и самоедства, изучений опыта подобных мне, из ближайшего окружения, я понял, увы, что с моими представлениями о браке, семье, любви и воспитании детей, искать нечего. Раз семья разрушается, а с ней и весь комплекс производных социальных традиций, то рассчитывать мне, с моим чуть ли не крестьянским советско - патриархальным домостроем, просто не на что. А в чудеса я не верю. Я должен был это философски осмыслить, чтобы иметь шанс на жизнь дальше. Семья катилась к чёрту, и с ней катился туда и я.

Говоря языком средневековых экзорцистов, я должен был обуздать и запрячь своих демонов, иначе они, эти демоны, запрягли бы меня. И потом, было бы легко, всё списать на свою собственную вину и бессилие, и смириться со стандартным вердиктом индивидуалистического времени - «сам (сами) виноват» во всех своих неудачах и разрушениях». Это позволило бы, хотя бы, забыться, и разлагаться в приятном ерофеевском декадентстве. Как многие. Спиваться под

Высоцкого, которого я не люблю. Но воспитание и размышления об истинных причинах моих неудач, умноженные на чувствительность, не давали мне шанса на стандартную «нирвану».

Неблагополучие семейное, и неблагополучие социальное, а также впечатлительность, превратили меня в потенциального философа. Всё по Сократу. Предоставленный сам себе, я ловил внутренние и внешние течения. Я работал чернорабочим. Я был коммерсантом. Я был вышибалой на рынке. Я работал в милиции и на телевидении. Я писал статьи в газеты и стихи... Мой возбужденный болезненный мозг требовал реализации. И искал чего-то, и вкушал, вкушал плоды познания самого себя, своего времени и своей судьбы, пытаясь найти ответы на неразрешимые вопросы...

Не то чтобы они были оригинальны мои вопросы, или трагичны. Нет. Они были абсолютно стандартны. Просто моя восприимчивость делала их фатальными... Устав от фатальности судьбы, я учился культурно лгать. Как все.

ФИЛОСОФСКИЙ УЧАСТОК

Мой участок, где я должен был нести суровую милицейскую службу, и ловить маньяка, был в районе кипричного завода и старого немецкого аэродрома. Спрятаться в засаду, там было негде. Да и незачем. Это было, по большому счёту, просто поле. Бывший немецкий аэродром. Вдалеке кирпичный завод. Рядом чадила котельная.

Теоретически я мог сесть в засаду, только на корточки в кусты, но там было слишком много коровьего дерьма, хотя ради Родины и для защиты маленьких девочек, я готов был сделать это. Но это было бессмысленно. Не только предполагаемый маньяк, но и идущий по полю, на смену и со смены заводской народ, мог меня навсегда запомнить именно в таком странном амплуа, в кустах среди коровьих лепёшек, причём, на всю мою оставшуюся жизнь. Со многими из них я стал уже знаком: пришлось с каждым из них познакомиться, по роду службы, записать данные в милицейский блокнотик...

Меня успокаивало только то, что на моём маршруте, очень открытом и просматриваемом, случайно идущая малолетняя девочка, возможная жертва маньяка, просто никогда не появится. Никогда. Её и до того, никогда там не было. Откуда ей было взяться, малолетней путешественнице, так и мечтающей, чтоб её схватил маньяк? Опять же – коровы, которых на аэродром выводили целым стадом. Всякого нового прохожего, очень редкого в таких местах, они встречали дружным коровьим возмущением. Они полностью контролировали ситуацию. Со временем, постоянно торчащего у них перед глазами, они меня стали воспринимать за пастуха. И смотреть на меня с такой нежностью, как будто я им что-то должен. Вечером, налитых молоком и солнцем, в закате дня, их чинно уводили в город...

Как философ и психолог в одном флаконе, ставя себя на место преступника, я понимал, что аэродром - не самое хорошее место, для спонтанного преступления на сексуальной почве. Да и в городе, никто уже своих детей, никуда просто так, давно уже не отпускал. Все были напуганы... Однако я честно обходил свой маршрут с самого утра и взяв какойнибудь литературный журнальчик про сталинские репрессии или голодомор, которых тогда выходило очень много, или томик Фрейда, Соловьева или Ницше, садился под одиноким деревом, в тень, и читал...

Приятно читать о жертвах репрессий на свежем воздухе, в чистом поле...

По пронзительному небу плыли легкомысленные, полные надежд и грёз, тучки моей странной молодости... Несколько глупых, но очень романтических строчек, я написал именно там, сидя под одиноким скрюченным деревом, посреди немецкого аэродрома... Точно как у Тарковского. Там посреди украинского поля, я случайно нашёл то, чего возможно и не искал. Подстёгнутый всеобщей тревогой и ажиотажем, мой мозг бешено работал. Я никогда после столько много не читал, разного и с таким обострённым рвением и упоением, как тогда, сидя под одиноким деревом посреди аэродрома... Мне казалось именно это важным и кардинальным. ДУМАТЬ! Книги и мысли. Вопросы. Фрейд постепенно был заменён на более конкретную литературу по психофизиологии. Сначала я пытался понять, как, откуда и почему появляются

такие страшные преступники. Как ими становятся, если все дети рождаются розовыми смешными пузатиками...

Потом я читал Маркса и Гегеля. Потом мне стало смешно и грустно...

Конечно, в философии, как и в науке, а уж тем более в современной, давно, или УЖЕ НЕТ, или... ЕЩЁ НЕТ долговременных устоявшихся понятий и определений, что же такое философия, что такое жизнь, что такое добро и зло. Все контекстуально, всё меняет история и пронизывающие её насквозь потребности воспроизводства человеческого бытия. Психические оформленные, вербально озвученные, жизненно важные, но потребности... А с учетом вышеупомянутого расслоения на почве собственности, владения разными средствами воспроизводства жизни, все вышеперечисленные понятия трактуются по разному, и для разных целей.

Я увидел много философий, я понял, что их что-то связывает друг с другом. Но что? Я понял, что относительность философий, это тоже ловушка. Ловушка самообольщения. Дело обстоит значительно...

«Deus ex machina»

Впечатление безжалостности и неотвратимости истории, для моего поколения людей, которые умудрились пережить слом государств и традиций, по большому счёту относительно тихий и высокотехнологичный, навсегда отразился в нашей всеобщей пришибленности. Мы видим это в мониторах каждый день. Крушение государств и культур.

А вот история политического и культурного распада Древнего Рима, которую я постоянно читаю и перечитываю, даёт массу интересных исторических аналогий с нашим временем, и на которые мы стыдимся смотреть честно. Потому что, при сравнении современного распада глобального "Рах Americana" с грандиозным периодом былого распада древнеримского "Рах Romania", как-то невольно расстаёшься с исключительностью, как своей эпохи, так и самого себя. И человечества в целом. Все наши страсти и страхи, по сравнению с былой драмой Рима кажутся сущей чепухой. Пока.

Аналогии дают совершенно оглушающий эффект. Одно из них, думаю, заслуживает внимания. Латинское выражение «*Deus ex machina*» - «Бог из машины», берет свои истоки еще с древнегреческого театра (ох уж эти греки!), в котором машина, согласно описаниям - кран-механизм, позволяла поднимать древнегреческого актёра над сценой и давать ему «летать» над публикой, в виде образа «Бога». Так летая над сценой и над зрителями, как правило, уже в развязке спектакля, актёр, то есть Бог, появившийся при помощи устройства-машины в небесах, объявлял зрителям, что и как Он Бог, решил в отношении всех героев драмы. На этом спектакль, как правило, заканчивался. Приходил к окончательной развязке.

В последующей литературной практике римлян, как реальных геополитиков и колонизаторов, сменивших на эстафете колониационного глобализма греков, данное выражение употребляется уже всё чаще для описания "неожиданного разрешения-развязки трудной ситуации, которое вытекает не из естественного хода событий, а является вмешательством извне неких высших неустановленных сил". То есть, начиная от римлян, данное выражение приобретает больше метафизическо-символический смысл. Характер неумолимости и предопределённости. В реальности, актёрам, летающим над публикой кто-то писал слова и решения, а остальная публика считала их естественным и природным решением Богов.

В наши дни выражение «*deus ex machina*» уже перестало употребляться вместе с другими. И это не только в силу затухания общей литературности и просвещенности, но и в силу того, на моё убеждение, что «*deus ex machina*» стало сутью, т.е. характером культуры и мышления всей нашей глобальной цивилизации во всех ее проявлениях. Автоматический Бог, бог из машины, стал сутью процесса мышления, который уже не требует своей объективации в таких выражениях как «*Deus ex machina*». Наше техногенное время имеет с римским «*Deus ex machina*» слишком много фатально общего.

Управление гаджетами и компьютерами, автоматизированными системами, социальными и политическими, финансовыми и военными, в том числе философскими, применение психологических и политологических технологий, технологий в музыке и искусстве, и пр. и пр.

ВОСПИТАЛО, выдрессировало так наш мозг, а с ним социальное мышление и поведение, что мы уже совершенно не замечаем за собой абсурдности своих надежд. Алгоритмизируется (автоматизируется) всё, вплоть до любви и сексуальных отношений! В то время как кто-то пишет программы, кто-то считает их естественными и божественными. Ну чем вам не актёр летающий на верёвке над толпой?

Мы не замечаем, как наше мышление схематизируется, автоматизируется и алгоритмизируется, и в этом, само по себе ничего бы не было плохого, если бы на кончиках этих автоматических мыслительных цепочек-алгоритмов не был привит всё тот же банальный, примитивный, животный эгоизм, эгоизм наших общих культурных установок. Автоматизировав и усовершенствовав одно, мы совершенно не облагородили и не усовершенствовали другое.

Получилась обезьяна с гранатой.

Наверно мы слишком долго и кардинально меняли окружающую природу - среду своего обитания под себя, при помощи «*Deus ex machina*» - Машинных Богов, которых сами же и создали, сами особо не меняясь. Не нуждаясь в этом. И в истории, всегда наступает время, когда человеку снова предстоят внутренние перемены. Как и куда – ещё неизвестно, полный туман, но выбор как всегда традиционен: изменится – значит выжить. Толпой. Не изменится – значит исчезнуть. Тоже толпой.

Парадокс в том, что мы, уже не можем смотреть стопроцентно объективно ни на сам данный предмет, на наше автоматизированное «технотронное мышление», потому что сами, в этом предмете и находимся. Нельзя анализировать или оценивать машину при помощи машины. Нельзя смотреть на машину в самой машине - стереотип своей эпохи, и считать это объективным! Может нам жизненно нужна ревизия и даже болезненная архаизация некоторых преставлений, возврат на исходные рубежи, чтобы более разумно и правильно использовать всё те же самые научные достижения?

Как бы там ни было, а «*deus ex machina*» сегодня наполнился реальным содержанием: вера в кнопку, в технологии, в неотвратимый научный прогресс, в неизбежный, чисто уже технический и исторический расцвет капитализма или коммунизма (тут уж по вкусу), в автоматический авторитет политиков или учёных. Даже в природу, превращённую техницистским мышлением в набор, как бы научно, описываемых шестерёнок мы верим больше чем в природу, как многосистемное живое органическое существо, давшее нам такую же принципиально, но видовую органическую жизнь!

С точки зрения углубления разделения труда, а стало быть, углубления разделения культуры и соответственно нарастания кризиса глобального рынка сделок, между вышеуказанными разделёнными частями труда, этот единый спаситель для всех, этот «*deus ex machina*» становится всё больше ожидаемой и востребованной формой восприятия. Отсюда, всё больше его поделок и имитаций.

В воздухе снова пахнет глобальным машинным «жаркое», снова высокотехнологически раскручивается левая и правая социальные иллюзии, позволяющие толкнуть человечество, разорвав его на удобные части и разделив человеческую энергию на два равнонаправленных потока, столкнуть, как пожар с пожаром, погашая его одновременно.

Появление пьяных негров на украинских улицах, это такое же проявление глобального «*Deus ex machina*», машин либерализма, демократии и буржуазной свободы. По сути, этот глобальный «*deus ex machina*» - тот самый смешной актёр, которого при помощи крана глобальных СМИ, время от времени поднимают над сценой всего человечества, якобы для решения проблем этого самого человечества

Впрочем, неважно кому или чему молятся люди, животному, перед охотой на него (!!!), общечеловеческому Христу, перед тем как предать его (!!!) и получить ресурс, или техническому прогрессу, чтобы забыть, что это такое, и заложить в банке самих себя, вместе с природой, для получения нового кредита на жизнь. Убийство обожествляемого животного, как и предательство Богов, и присвоенный общественный прогресс, есть создание Бога, для его последующего... проедания.

Мы доедаем «*deus ex machina*». Автоматизация мышления не жизненна.
Кому это выгодно?

МОЯ ЛОТЕРЕЯ

Счастливые люди никогда философией не занимаются. Потому что только неразрешимые проблемы и вопросы делают нас окончательно философами. Неразрешимые по разным причинам, внешним или внутренним. То, что решается, становится неактуальным само по себе.

Я всегда сознавал, что, не имея философского образования (это как раз никому и не нужно), и в том же время искренне увлекаясь философией, приобретаю некую дуальность. С одной стороны, я лишён академических стереотипных интенций современной философии, потому, элемент доморощенности в моем философствовании, безусловно, был, есть и будет всегда. С другой, это приятно избавило меня от всякой ответственности за последствия своих изысков, и страха, чем полна современная философия сегодня. Декларируемая философия, даже та, которая сегодня считается неформальной и авангардной, слишком труслива и осторожна.

Современная философия, будучи ограничена частными установками в сферах своего поиска и изучения, осторожно и некритически обходит стороной многие вопросы политического социально-экономического воспроизводства, фиксируя свое внимание на условно дозволенных направлениях: языке, культуре, художественных образах.

Как спекулянт скрывает истинную или изначальную цену товара, желая получить большую прибыль, так и нынешняя рыночная философия, пытается скрыть истину, знания и опыт, которым уже давно обладает человечество, но каждый раз забалтывается, препарирюясь, разъединяет истину на отдельно продаваемые элементы, с большой наценкой.

Отсюда глобальная культура имитации. Во всем. В искусстве, в науке. В политике. Отсутствие образования даёт мне полное основание лезть своим любительским клювом в те сферы (возможно даже сам того не ведая), которые или отрицаются, или под запретом, или считаются давно уже решёнными или не предполагавшимися вообще. Отсюда прошу заранее меня извинить, если какие-либо мои мысли покажутся бессмысленными или слишком очевидными.

Философия – как волшебное зеркало, делает счастливых – несчастными, а несчастных – условно счастливыми. Кастрированный Абельяр, экзистенциальные муки Толстого в Арзамасе, Паскаль зависший в карете с бешеными лошадьми, над пропастью или сидящий в тюрьме Бозций, пишущий о лебедях, или кто-то ещё там - суть одна.

Как самый что ни на есть представитель массы, в виде профсоюзного юриста, я не узнавал о проблемах бытия в кабинетной тиши, за чашечкой академического кофе, а волею судьбы оказывался сам в тех кондово-стандартных реальных социальных ситуациях, положениях и условиях, в которых мой воспалённый мозг требовал озарения. Мудрого объяснения или разрешения. То есть философии.

Как минимум – успокоения. Но АРГУМЕНТИРОВАННОГО. Именно так: я искал покоя, я переворачивал сознание наизнанку, или что-то в этом роде, я требовал гармонии своего сознания, уже из чувства самосохранения. Жизнь с её неотвратимостью познания (взросления и созревания) подбрасывала мне всё новые и новые «данные», создавая всё новые проблемы гармонизации познанного. С разных точек и в разных плоскостях. И в разных состояниях.

Эта работа по гармонизации сознания происходит постоянно. Как и во что, в какие имена вуалируются наши психофизиологические или биографические проблемы, появляясь в результате возбуждения нашей нервной системы психики, в неуёмность болтания и философствования, в коллекционирование насекомых или женщин, обжорство или современную фриkkультуру – фактически не имеет значения. Мне выпал свой жребий. И я с ним, смирился.

Дело в том, что к юристам, как правило, ходят очень разные проблемные люди. Как правило, их приводит совершенно искажённое представление о реальности. И ты, выступая со стороны отчасти этой объективной реальности, отчасти специалиста, отчасти душеприказчика или психотерапевта, отчасти пастора и идеалиста, обязан им помогать.

Встречаются и весьма интересные «пограничные» типы. Но все философы. В процессе решения их жизненных проблем, приходится обсуждать вопросы ИХ жизни и бытия **ВООБЩЕ**, общества, государства, культуры и пр. Не зная Кантов и Хайдеггеров (а кто их там знает?), граждане могут демонстрировать весьма интересные повороты мысли. Попробуйте-ка их, убедить, в чем-либо, или разубедить, если это крайне необходимо не только им самим, но и для того, чтобы, просто сделать свою работу юриста!?!

Мог бы я полноценно работать, без чёткого осознания своего социального положения, своего класса, гильдии. От этой ясности многим не по себе. Поэтому для одного сорта людей философы становятся просто невыносимыми, ненавистными и тяжелыми людьми, для других - святыми.

МОЁ КЛАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Известно, любой человек принадлежит к той или иной социальной группе, касте, слою, классу, и в его мышлении отражаются характер мышления этого слоя, касты или класса. Об этом по-разному говорят и марксисты, и позитивисты, и социология, да кто угодно. Люди судят о всех вещах в духе своего класса, группы и пр. Я принадлежу к великому глобальному классу неимущих обывателей, созданному по лекалам рыночного времени, или, традиционно выражаясь - мировым процессом глобализации и технического прогресса. Именно они, эти истуканы и идолы цифрового времени, научили меня наслаждаться всем, чем наслаждаться и гордиться, возможно, и не следовало бы. Но я наслаждаюсь, хоть и понимаю что это глобальный идиотизм.

Известная фраза профсоюзного лидера английских профсоюзников печати Томаса Данинга в XIX веке, которая вошла в марксовский Капитал «Нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист ради своей сверхприбыли» мною понимается иначе: нет такого преступления частного капитала (!), на которое не закрыл бы глаза современный массовый обыватель, ради продолжения своей сытой, спокойной и безответственной потребительской жизни.

Так и мы. Рождённые в идеологии успеха, мы, со своей житейской философией, согласимся на многое, лишь бы нас не трогали. Меняя ценности на удобства (Ежи Лец) нам ещё предстоит узнать истинную цену своего «биологического успеха» на планете, по отношению к другим живым мирам природы. Или по отношению к своим братьям, просто живущим далеко и принесённым в жертву, ради красивой жизни метрополий.

То что, этот мой класс «класс мировых обывателей», порождённый мировой рыночной системой, ныне находится в фазе своей политически театрализованной утилизации, и то, что он сам это давно подсознательно чувствует - очевидно. Конвейер, по которому мы несёмся в пучину истории не остановить. И я, родившийся в СССР и получивший массовую, советско-обывательскую конституцию души (всё ж во благо советского человека!), достаточно легко обернулся обывателем уже капиталистическим, частнособственническим, глобальным потребителем рыночных общечеловеческих ценностей. В основном западных. Корпоративных. Те же ценности, только в профиль.

Если говорить исторически универсально, кризисом, можно назвать ситуацию, когда общество, будучи разделено на касты (классы, группы) по выживанию и взаимному политическому обмену (или истреблению), начинает чрезмерно накапливать в своих частных корпоративных цивилизационных нишах ресурсы и знания, для своего собственного узкоклассового, узкокорпоративного воспроизводства, что естественно, происходит в ущерб воспроизводства остального человечества. Если с культурологической точки зрения, кризис, это рост эгоизма общества до его саморазрушительных стадий, это тотальная отчужденность людей друг от друга, их наивное контрпродуктивное убеждение, что они могут жить сами по себе, присвоив собственность и знания и запершись в своей каюте «Титаника», то с политэкономической, это болезненная капитализация общественного продукта в антивоспроизводственные для большинства общества активы.

Говоря прощере ресурсы и капиталы, скапливаясь в корпоративных карманах, в средствах роскоши и средствах вооружения, создают смертельные тромбы в кровеносных системах общественного обмена...

ПЕРВЫЙ ОПЫТ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Свой первый опыт классовой борьбы, или подобного, я познал очень рано. В далёком детстве. Т.н. философия рыночных отношений, а с ней мораль и эстетика материального успеха, а также расслоение по принципу владения, стали отчетливо проявляться в советском обществе ещё с 60-х. В семью, где я родился, семью провинциальных инженеров-строителей брежневской эпохи, живущую в небольшом шахтёрском городке на востоке Украины, они ворвались с некоторым опозданием. Обладание импортными вещами, джинсами или хорошим магнитофоном, не говоря уже о мотоциклах и машинах, дачах или хороших капиталах, уверенно становилось более привлекательным и правильным социальным кредо, чем чистая и безмятежная совесть советского человека с партийного плаката.

Дело было в начале 70-х. Мы тогда должны были всей семьёй ехать к отцовской сестре и бабушке, в живописный, как мне тогда казалось, район Краснополя. Всё там восхищало меня. Первобытные запахи живности, иной непривычный для городского мальчика, сельский быт. А в двоюродного брата Сашко, веселый нрав и игривость которого, делали безоговорочным лидером всей нашей детской тройки, вместе с моей родной сестрой, которая старше меня на четыре года, я был просто, по-детски, влюблён.

О, эти волшебные летние вечера в селе, под сверчков, запах сирени и милые детские шалости!... Одно удручало. Эти поездки не очень любила моя мать. А я любил свою маму, и потому очень хорошо это чувствовал.

Дело в том, что семья сестры отца, тёти Аси, и моей бабушки Фроси, была как раз той самой, по нынешним временам семьёй успешных предпринимателей. А по тем временам - семьёй махровых спекулянтов. В отличии от моих родителей, они умели делать деньги. И потому делали их. Менялись мотоциклы и машины, строились большие заборы, сараи и хозяйство и всё такое прочее, грандиозно и основательно. На зависть. Откуда, был этот успех и достаток, было непонятно. Во всяком случае, для меня, пацана, это было чудесная взрослая тайна. Однако именно она создавало некоторое моральное напряжение и дискомфорт в отношения между нашими семьями.

Короче, родичи были весьма предприимчивыми, крутились вовсю и были совершенно не ровня нам - семье нищих городских советских инженеров. Потом уже, от матери, я узнал, в чём был бизнес. Деньги делались, как бы из ничего. Допустим, покупалась черешня на одном рынке, а продавалась на другом, в другом городе, под видом собственной. Желательно за сотни километров. Или рвались абрикосы в старых запущенных колхозных лесопосадках, как бы ничейных, и везлись на рынки где-нибудь подальше, допустим в Россию, где продавалась втридорога. В целях экономии и конспирации, спали в машине. Сурово, но искусство требовало жертв. Это было просто, прибыльно и азартно, что вызывало жуткий интерес, хоть и старательно окутывалось семейной тайной: как ни крути, а бизнес сей, а точнее спекуляция, в те времена была уголовно наказуема.

Мама не любила эту родню, так как видела скрытую и нервную зависть своего мужа, моего отца, математика и шахматиста, правильного преподавателя профтехучилища, висящего на доске почёта (или делающего вид такового) к их успехам. Мама была совершенно равнодушна к подобным успехам, тогда как отец психовал и вымещал своё недовольство и неудовлетворённость жизнью, именно на ней, на своей жене и моей матери – романтической белорусской бабе, любящей петь.

И всё же, я по-детски любил эти поездки в село, с их колоритом и насекомостью, как любой ребёнок любит смену обстановки, условную свободу и раздолье для игр. А мама, моя милая мама, подчинялась, не сколько мужу, сколько нашему с сестрой желанию развлечься на природе. Потому безропотно везла нас в Краснополя под Днепропетровском, в стан неравных родичей, но усиленно тянувших свои улыбки навстречу.

Однажды, когда очередной сельский вечер спустился во двор и родня, поев, сидела среди комаринных туч на крыльце, как на некоем возвышении, а мы, детвора, мельтешили перед глазами взрослых, вполне логично и ожидаемо зашла речь о нашем воспитании, успехах в учёбе и т.д. Надо сказать самая унылая и досадная тема, когда вокруг такое веселье. Ни Сашко, мой двоюродный брат, ни я, естественно не могли похвастаться успехами и оценками, как допустим у моей родной сестры – отличницы и примернице во всём. Тут мы с двоюродным братом были удивительно похожи – два рослых ленивых лоботряса, у которых на уме были только гульки. Что угодно, только не уроки, школа и успеваемость.

Нас обсуждали долго, со вкусом и подробностями, сверлили, корили, говорили о нашей лени и нежелании заниматься спортом, пока кто-то, не предложил нам с братцем Сашко, побороться. Мол, раз вы оба такие, ленивцы, пройдохи и неучи, так хоть покажите кто из вас спортивной и сильней. Слабо?

Моей матери сразу эта идея не понравилось, а вот остальных охватил настоящий ажиотаж. Деваться нам с братцем было не куда. Подбадриваемые возгласами и подначиваемые со всех сторон, мы покорно пошли вниз, в огород, и прямо под вишней, на ристалище в метрах двадцати от зрителей, взглянули друг дружке, и правде в глаза: нам теперь предстояло доказать своим семьям, сидящих вверху, как на трибунах, что мы достойны их любви и уважения. Хоть мы и лентяи, лоботрясы и негодяи.

Поначалу, всё казалось милой и смешной затеей, шуткой, игрой, и я, очарованный нежным летним вечером, каникулами и запахами навоза и огорода, улыбался всему и вся... В том числе и своему старшему двоюродному брату, который теперь как-то очень не по доброму теперь не меня смотрел... Сашко, был крепкий сбитый сельский хлопец. К тому же старше меня почти на два года и потому наш поединок быстро превратился в избиение младенцев. Младенцами как вы понимаете, оказался я.

Брат пыхтел как трактор, он ломал меня безжалостно, понимая, что на него смотрит вся его родня. Потому подкачать и стратить, он не мог никак. Я конечно тоже не хотел никого подкачивать, особенно маму, но от моих физических возможностей толку было мало, и очень скоро я очутился просто на земле. Сашко же, подбадриваемый своей роднёй, и для которого это был отличный шанс реабилитироваться за все свои многочисленные хулиганские проделки, одним махом, давил меня, своего соперника отчаянно, со всей силой, массой тела и желанием понравится своим.

Еще немного возни...

Вскоре, обессилев, я вдруг с холодком почувствовал, что он, мой братец, подбадриваемый своей роднёй с далёкого крыльца и в порыве ярости, уже просто меня душил! Это был перебор, но Сашко продолжал. Некоторое время я ещё пытался вырваться, выворачивался, извивался, но силы были неравны. Брат вошел в раж и уже не замечал почти полного отсутствия сопротивления с моей стороны.

Ещё через пару минут, я попал в мертвый захват, и стал просто задыхаться. Мне становилось дико, удивительно и больно одновременно, ведь меня душил мой любимец, мой брат, в котором я не чаял души!. Я ведь смеялся каждой его шутке и слову. Я обожал каждую гримасу и выражение его веснушчатого озорного лица, и теперь, с чудовищной медвежьей безжалостностью, этот мой братик меня душил!

Зрители, хоть и не все правда, были в восторге.

Я пытался было крикнуть, чтобы остановить, наконец эту дикую игру, постепенно превращающуюся для меня в кошмар, но поединок наш, если происходящее можно было назвать поединком, всё продолжался по какой то немыслимой и неумолимой логике. А крик мой, из сдавленного горла, уходил просто в землю, к которой я был намертво прижат массой тела двоюродного брата...

Неожиданно, меня охватил настоящий ужас. Я надеялся, что мой проигрыш, полный и окончательный, со стороны, был уже виден всем, однако... меня всё ещё, почему-то, продолжали душить... Медленно и неотвратимо... Это было невероятно и удивительно, но наш поединок продолжался!

Минута прошла, вторая... Всё продолжалось... Борьба с братом продолжалась. Он входил в ещё больший раж. А взрослые, сидящие вдалеке это не видели. Но я этот раж испытывал на своей шкуре. Дышать было уже просто нечем...

Я не мог поверить, как такое может быть! Как **ВООБЩЕ ТАКОЕ МОЖЕТ БЫТЬ?**

Ау взрослые, что с вами? Помогите, неужели вы не видите что я **ВСЁ?** Веснушчатое лицо брата перестало быть милым и озорным. Оно дышало злобой и ненавистью прямо мне в глаза.

В следующий миг, мне стало отчетливо казаться, что меня банально и просто убивают. Как недостойного и не оправдавшего надежд семьи... Но ведь это неправда! Однако зловещая игра продолжалась, а моих сдавленных криков, а точнее попыток закричать никто не слышал и не замечал. Я слабел и задыхался!

Шок. Я не мог понять, неужели вот так, при всех, под задорный смех и возгласы родни, меня могут прикончить? На потеху. В игре, на глазах у собственных родственников?..

Сделаю небольшое отступление.

ДИАЛЕКТИКА ФАШИЗМА

Ситуация, которая сложилась сегодня в Украине, и не только «на востоке», для меня начиналась, как и у всех - с дикого политехнического психоза и ажиотажа. Усиленной поляризации и стокгольмского синдрома всего народа, очутившегося неожиданно под дулом воображаемого пистолета, торчащего из украинских телевизоров.

Время от времени в офис нашей конторы стали вбегать странные взъерошенные мессии, и вопрошать, мол, почему мы сидим тут и не идём на борьбу с фашизмом, когда все уже там? Будучи человеком равнодушным (но в тоже время осмотрительным по возможности), я никак не мог понять, с чьим именно фашизмом нам надо бороться, потому, как настоящий фашизм я давно вижу в действиях местного ЖЕКа. Я вижу фашизм больше во внутрисоциальной политике любого современного государства, расслоившегося на касты собственников и стравливающего пар в разные «измы», чем в искусственно нагнетаемых иллюзиях. И главное во имя чего бороться?

Если, как утверждают, право частной собственности вечно (или, скорее всего, вечен Животный Инстинкт Собственности как первобытного образа добычи) то значит и фашизм – это всего лишь слово. Это яркое эмоциональное слово – обозначение банальных эгоистических корпоративных преступлений агрессивных групп обывателей, против своих неорганизованных собратьев. Таких же обывателей. Кто-нибудь слышал о фашизме кроманьонцев над неандертальцами? И я нет. А он был.

Фашизм вечен, как и борьба с ним. Цвет флажков, символика и пафос произносимых слов совершенно не важны для фашизма собственников. А вечность победить невозможно. Её можно только созерцать. И регулировать. По возможности. Культурой. Воспитанием. Идеи создаются для жизни, а не наоборот.

Хорошо когда идеи создаются теми же, кто ими и пользуется, и плохо когда эти идеи скармливают тебе в детском возрасте, в виде гуманитарных пилуль, иллюзий, только для того чтобы уметь просчитывать тебя, наперёд... Но иногда, в истории всё диалектически переворачивается. И людям уже надо жизнь отдавать за идеи... Как в христианстве. Пока же ни идей, ни способностей жертвовать собой во имя оных, ещё не наблюдается, хоть вечность уже стучит в гниющие двери мировой частной маршрутки...

КТО СКАЗАЛ, ЧТО БУДЕТ ЛЕГКО?

Допустим, было ли легко вольнодумцам Древнего Рима, которых методично, по римским законам распинали вдоль дорог на крестах, и которые своими безымянными жертвоприношениями, дали, наконец, определённой части человечества, христианский образ будущего? Они ведь дали не религию (как принято считать), не опиум для народа, в который превращается любая массовая идеология - анестезия, а новую христианскую формулу сознания и принципа общественного обмена. Где все пред Богом равны, и значит нет катастрофического уровня спекуляции, как принципа существования. А значит и шансов бытия человечества

дальше... Это ведь о них писалось «смертью смерть поправ»... Разве им было легче? Было ли легко т.с. буржуазным вольнодумцам-гуманистам на кострах средневековой инквизиции? Это ведь они торили дорогу свободному либеральному миру для нынешних глобальных предпринимателей, сквозь разлившийся мировой алчный католицизм. Пришло время, и уже сам этот либеральный мир, также завравшийся и разлившийся, со своими благостными теориями свободы и общечеловеческих ценностей, находится сегодня в цивилизационном тупике.

Цивилизации как гидры произрастают сами из себя, развиваются, паразитируя на разложении старых, и начиная доминировать, постепенно превращаются в навоз сами, давая возможность зародиться иному. Стареют люди, стареют общества, стареют идеи и цивилизации. Хотя усиленно хорохорятся и молодятся, на официальных саммитах и брифингах, мажут румяна и истерически веселятся в создаваемом ими геополитическом цирке. Много я бы отдал чтобы, услышать что они говорят у себя на кухнях...

Скорее всего, тоже самое, что и все.

Иногда, мне кажется, что сгоравшие на кострах еретики, были счастливее, чем мы: у них хотя бы не было проблем с самоактуализацией. Плюнул в лицо инквизитору и всё, самореализовался. Не страшно, что сожгут: какой никакой, но Бог, как образ объективной трансцендентной реальности - в сознании миллионов. А значит Он Есть!..

А вот наша эпоха, казалось бы больших технических достижений и наук, глубоких проникновений в тайны природы и скрытых планетарных геополитических междусобойчиков, колоссальных энергетических и финансовых потоков – на самом деле, эпоха великого банального одиночества. В толпе. Она не оставляет никакого шанса, чтобы не быть растражированным и утилизированным. Бейся головой о пустоту, и пустота проникнет в тебя... Сходи постмодернистски с ума, как тебе удобно... Время такое. Никто ни в чем не виноват, и на всех тяжесть какого-то странного невидимого убийства...

ПРОДОЛЖЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Вернёмся на огород, где шла наша «классовая борьба» с братом Сашко.

Трибуны ревели, а я лежал на спине, и судорожно сучил ногами, делая слабые попытки освободить горло, и закричать, но которое Сашик, мой братец, давил безжалостно, всё сильнее и сильнее. Мне показалось, что я уже просто теряю сознание... Да нет, я почти что умираю...

Время тянулось как в кошмаре.

- Андрей, прекрати!...- неожиданно до меня, как из тумана дошёл крик... Это был родной голос, полный отчаянья и боли. Я ещё мог различить его отчетливо, из всеобщего гула. Это был крик моей матери. Она взывала к своему мужу и моему отцу. Она совершенно не понимала, что происходит... Я вдруг осознал, что только она, единственный мне родной человек, увидела, что на самом деле происходит. Я понимал, что я проигрываю в этом поединке тщеславия, этой семейке спекулянтов, которую она не любила. А отец, снедаемый злобой и своими комплексами жаждал реванша. Но я проигрывал. Я проигрывал этому сытому представителю барыг, и вместе со мной, слабым и беспомощным сыном проигрывала и она, моя мама. Слабая и беззащитная женщина. Она пыталась спасти своего такого же слабого и беззащитного сына...

Господи, ну почему я такой слабый!!!? – думал я.

Душение и моё слабое сопротивление продолжалось уже как во сне... Теперь оно стало необычно тихим. Таким тихим, что я отчетливо услышал спокойный оправдывающийся голос отца:

- Ну что же вы хотели!.. Я вон сразу двоих кормлю, а вы только одного...

Истины, или то, что ими представляется и которые мы постигаем в минуты аффекта, тем более в детстве, ложатся в основу нашего характера. Отца я боялся и уважал. Но мой мозг отказывался верить в такую пошлость. Неужели всё дело в кормёжке! Оказывается нас кормят для того, чтобы потом мы душили друг друга на потеху, в простой и милой детской забаве!

Неужели это и есть правда жизни?

Я понял, что это всё. Я проиграл как слабое и непрактичное недокормленное существо. Во мне что-то оборвалось. Всё то милое и радостное, всё то детское чувство сказочной надежды на

счастье и всеобщую любовь, среди этого зелёного природного рая, куда-то вмиг исчезло. Передо мною открывалась бездна сурового и безжалостного РЕАЛЬНОГО бытия. В глазах темнело. Пусть дико, но я уже отчетливо видел себя со стороны, смешного, задушенного, под вишней, плачущую мать и радостные возбужденные лица родственничков... Последняя мысль и надежда яркой молнией ударила мне в голову... Я остервенело дёрнулся...

Не знаю чем бы закончилось всё иначе, поступи я иначе, но тогда я не захотел умирать в детской игре. Ненависть и злоба, к этим людям, весело взирающим на мою боль, переполнила меня. Я дернулся из последних сил. Я стал бешено дёргать ногами, искать хоть какую-нибудь опору, так как иного шанса и способа встать, у меня просто не оставалось. В какой то момент мой враг даже удивился, что во мне ещё остались силы на этот поиск, и ещё больше сдавил локти...

Как вдруг...

Неожиданно, чуть влево, под пяткой, я почувствовал упор. Это был какой-то случайный корешок, который оказался торчащим из земли прямо у меня под ногой. Такой маленький... Такой хрупкий, ненадёжный и такой желанный!

Я спокойно понял, что это и всё что мне было нужно. Злобы и отчаяния, обиды и свирепости, во мне уже не было. Как может быть только наверно перед самой смертью. Ставки были велики. Я не хотел мириться. Дело в не в кормёжке, папа. Дело в точке опоры. Моя ненависть к зрителям и любовь и ужас матери, наполнили меня бешеной праведной силой...

Это был выбор. Они, со своей социальной пошлостью довольных и сытых спекулянтов или я с мамой и нашей сказкой, решалось для меня именно в ту минуту. И решалось навсегда.

Вот она точка опоры! Я взревел и упершись ногой в найденный корешок с чудовищной силой, просто перевернул Сашка и... оказался сверху. Он был ошеломлён. Он не мог понять, как так получилось. Откуда получился этот страшный рычаг. Но было поздно. Теперь я душил его. Во мне проснулось что-то архаичное и звериное, теперь я каким то невероятным, спонтанно придуманным захватом, намертво прижал врага к земле... И душил, душил, душил...

- Ладно, ладно, хватит вам, - кричит бабушка.

- Всё, успокойся, - рявкает мой отец.

Ага! Щас! Почему это? Почему я должен успокаиваться? - думал я. Почему я должен успокаиваться именно тогда, когда я теперь побеждаю? Почему вы не успокаивали своего Сашика, когда он меня душил? Нет, поединок продолжается, трусы!

Страшное чувство смертельной несправедливости и мерзости захватило меня. Но... Как взбесившуюся собачонку, меня уже оттаскивали, хотя я рвался в бой против всего мира, который был мне непонятен и враждебен. Мать, видя моё полузвериное состояние, забеспокоилась. Она видела меня таким впервые. Все остальные, исключительно все, сестра, отец, родня Сашка, весело и возмущенно гоготали... Они так и не поняли, что в тот день мы могли просто убить друг друга, в нашей скрытной ненависти, прорвавшейся в детской игре...

Иногда мне кажется, что я до сих пор борюсь. Силы неравны. Но меня спасает только одно – точка опоры. Это та борьба, которая была, есть и будет лейтмотивом многих поколений, вступающих в борьбу за будущее, и культуру против хитрых и коварных жлобов...

Будучи романтичным чувствительным ребёнком, воспитанным на книжках о пионерах-героях и кино про партизан, я конечно же не мог понять, многого из того что происходит вокруг во взрослой жизни. И меня, некоторые мерзкие черты людей позднего СССР, ввергали сначала в удивление, а потом в уныние и тоску. Фальшь уходящей советской эпохи я стал чувствовать ещё детским подсознанием задолго до того, как мог сознавать, в чём она.

Тем легче мне было воспринять и подстроиться к фальши и лжи уже нынешнего времени, коммерческого, с психопатией двойной морали ростовщиков, возведённой в культурную норму. Нет-нет, я конечно пытался встроиться в этот меняющийся спекулятивный мир, как мог, но что из этого выходило!? А главное к каким выводам я приходил, обобщая свой опыт?

ПОДБИРАЮСЬ К ТЕМЕ

Известно, что в системах военного и промышленного производства есть такое понятие, как технологии двойного назначения. Это когда одно и то же изобретение, технология и пр. могут быть в равной степени использованы как в военных целях, так и в мирных. Расхожий пример – атомная энергия. Даже при помощи микроскопа, можно как изучать клетки, а можно и проломить череп. Целевое использование чего угодно диктуется задачами и общим уровнем культуры «здесь и сейчас». Нет ничего, что не может быть использовано как минимум - двояко. Гераклитовская лира и лук - хороший поэтический образ отражающий диалектику формы и содержания процесса, под названием жизнь и её реальные потребности.

Отсюда возникает дилемма определения субъекта объекта процесса и системы координат, кроме, разумеется, уже упомянутых проблем с определениями. В интересах кого, и чего мы ищем ответ пользы и вреда философии.

Польза и вред философии определяется способностью этой философии быть полезной всему человеческому роду, а не отдельным учёным, кастам или политикам. Но возможно ли это? Иллюзия искусственного разума, машины как консенсуса мировой регуляции, совершенно идеалистичны, так как машина всегда живёт только теми конечными (пусть и миллион раз интеллектуальными!) алгоритмами справедливости, которые в неё закладывают люди. А люди это...

Сегодня правы все, от умеренных и квазилибералов, до новых большевиков и масонов: в таком своём виде, современный человек не нужен. Никакому будущему. Монтень прав, называя человека самым беспомощным существом, с большим самомнением...

И вот, национальные государства, или то что от них осталось, едут в глобальной маршрутке, и театрально ссорятся под гудение финансовых серверов. Они ещё могут надеяться на льготы, кредиты и режимы приближённости к метрополиям, но их удел предопределён...

Некоторое время выживать можно. А если прикрыться гуманистической демагогией, политесами и финансами, собственностью, спецслужбами, приватизированными админсистемами и судами, частными армиями, тотальной сетью СМИ и инфернальными мифами, а самое главное знаниями и технологиями «не для общего пользования», определённой части человечества, для выживания, меняться совершенно не обязательно. Как и сто, и двести лет назад, культура общества для них, это всего лишь прогнозируемая и регулируемая среда обитания.

Честный взгляд улавливает в современной структуре мирового управления, воистину парафраз родового полуфеодального строя, но в условиях XXI века, где вместо феода – отрасль, вместо колонии - сфера общественного воспроизводства и управления. А вместо мировой религии – мировые общечеловеческие ценности, задекларированные наднациональными институтами и обязательные к использованию в личных убеждениях.

Иначе изоляция. Сомнение - бан.

А вместо монархов – председатели элитных финансовых клубов, где, в отличии от потешных парламентов, президентов и кабинетов министров, реально решается кому платить за проезд, в этой маршрутке, а кому медленно угасать в гражданской междоусобице, национальных рознях, наркотическом угаре...

В этой инфраструктурной драме низов, когда население бывших советских республик только снижается, а городская теснота на фоне запустения сёл и деревень, сжимает социум в один самоистребляющийся муравейник, кто из нас добровольно не станет счастливым инвалидом, не знающим правды? Можно ли сойти с этого маршрута?

РЫНОК И Я

В результате реформ я искренне поверил в рынок, в бизнес и не оставлял попыток встроиться в этот мир, сыграть по его т.с. официально декларируемым правилам, правилам успеха и «открытых возможностей». Время перестроечных реформ и сексуальных революций говорило мне, давай дружок, рви, дерзай, лови удачу. И я дерзал, ловил и рвал. Однако, пройдя цепь весьма драматичных ситуаций на сей счёт, я навсегда оставил иллюзии и попытки, как

глубоко наивные, бесперспективные и даже вредные. Но видит Бог, я не сидел, сложа руки, хоть развал семьи полностью лишил меня стартовых капиталов. Мне довелось работать и в шахте, и в милиции. Я был охранником на коммерческом рынке, типа вышибалы и телеоператором и журналистом на телевиденье. Как корреспондент я писал статьи в газеты и пытался стать успешным частным предпринимателем. Всё это напоминало игру. И во время этой игры я с любопытством рассматривал как себя, так и людей, оказывающихся рядом в той или иной ситуации.

Проблема была в том, что для меня изначально, абсолюты и императивы лежали не в умозрительной плоскости идей, а в нравственной. «Любая философия и теория глупа, безнравственна, если она не учитывает ответственность человека перед обществом» - эта философия мне всегда мешала, и мои моральные принципы и убеждения, напоминающие красивую общественную сказку мешали жизни, эпохи реформ. Это было не нужно. Я рассуждал как христианский фанатик инквизитор, с советским воспитанием. Я подсознательно отторгал этот мир, и новый мир чувствовал это и отторгал меня, вместе с моей общественной сказкой, как инородное тело. Но я перестраивался.

Так, весьма существенный период своей жизни, я пытался сделать карьеру редактора газеты, условного писателя и журналиста, к чему, был склонен всегда. Но став под конец своей активной жизнедеятельности философствующим юристом, председателем свободного городского профсоюза, который я и сотоварищи создали, я понял что именно только так могу построить себя, как корягу, в общество.

К примеру, из милиции, меня уволили за служебное несоответствие. Я стал предлагать начальству некие нестандартные интеллектуальные (как мне казалось тогда) методы работы и раскрытия преступлений, и совершенно отказывался писать рапорта на сослуживцев, кошмарить и прессовать случайных терпил, обывателей и алкоголиков - наш привычный провинциальный контингент. Быть долгое время охранником - вышибалой на рынке, было опасно. Это денежная, но очень рискованная полукриминальная работа, и она сразу не очень меня привлекла, так как кроме как получить рано или поздно в очередной разборке по голове, или очутится с ножом в спине, где-нибудь посреди двора, иных перспектив было маловато.

С шахты, куда я устроился, чтобы зарабатывать и поднимать маленькую дочь, пришлось уйти, когда, вознамерившись создать комсомольско-молодёжное звено по обслуживанию шахтного конвейера, я вольно или невольно посягнул на сложившуюся там иерархическую зарплатную мафию. Это когда фонд зарплаты по бригаде распределялся не по работе, а по близости к начальнику шахтного участка, плюс «подснежники». Неважно сколько и как ты работаешь, главное ты должен быть близок к начальнику. Я проявил настойчивость в перестроечном пафосе и дошёл до директора и зама по производству со своей идеей. Я предлагал, как мне казалось, передовое решение вопроса, с экономией для шахты, и с выгодой для себя любимого и своего звена, таких, же как, я пацанов. По моему предложению, мы трое, во главе со мной (естественно!), должны были начать делать работу целой бригады. Но и оплату получать соответствующую. Смеха ради, скажу, что мы, её собственно и делали всегда, фактически, за всех, но оплата труда размазывалась на непонятно кого.. В том числе и на «того парня»... А нам хотелось справедливости...

Моя молодёжная инициатива подрывала сложившийся «традиционный порядок» на участке.

Буквально через недельку моей борьбы, хождений по инстанциям, во время очередной смены, глубоко под землей, в темноте, обеспокоенные моей комсомольско-рыночной активностью, сослуживцы, взяв меня под белые ручки, подвели к «гезенку». Это такая огромная дырка - сток для мусора и породы между шахтными горизонтами, глубиной в сотни метров. Подвели и сказали, что если я не угомонюсь, то могу, «случайно» оказаться там, внизу...

Обычно такие «тонкие» намёки, принято понимать сразу, если вы конечно не Джордано Бруно. Я не очень люблю астрономию и этот холодный звёздный мир над собой, в отличии Канта. Поэтому, не вписавшись в коллектив, как белая ворона с красным пером в активистской заднице, попав в условия невозможные для спокойной работы, я конечно же уволился. Мне не

хотелось, когда-нибудь всплыть как бревно на поверхность, среди породы, грязи и мусора и этим увеличить статистику несчастных случаев, и без того высокую.

Я устраивал видеосалоны и платные библиотеки, я возил покрышки из Ижевска и ездил с украинской копчёной колбасой в Москву, в поисках приработка, я пытался быть спекулянтом, как все, но заканчивалось всё это либо печально, либо в лучшем случае ничем. Бесшабашность и ненастоящность всего того, что я делаю, и что со мной происходило и с моим товарищами, совершенно не давали мне возможности стать кем-то определённо.

Я смотрел на себя и своих друзей, таких же обалдуев как я сам, со стороны, и дико хохотал. Я хохотал над призрачностью всего, что мы делаем, во что верим и о чём мечтаем. Как пыль людская, слетевшая с разломанных плит советской империи, мы витали в воздухе... И долго не могли улечься.

Работал я и на местном ТВ. С телевиденья же меня попросили, когда я сняв предвыборный ролик-расследование, на заказ, оказался неожиданно, очень популярным журналистом в своём городке, а мой босс, заказчик, который победил на этих выборах и таки стал мэром города, посчитал это недопустимым. Мне бы тихо кушать. Но...

В своей самостоятельности суждений, на фоне своей популярности, я стал слишком независим, и что называется «словил звезду». Я стал слишком свободно высказываться. Меня любили женщины, я купался в провинциальной славе, и слава купалась во мне.

Новый мэр - как бы мой босс и коллега по борьбе за власть, после обживания в образе главы города, тайно распорядился, чтобы меня уволили. С телевидения. Я узнал об этом чисто случайно, от секретарши, которая мне симпатизировала и которая услышала разговор мэра, своего непосредственного руководителя, с директором ТВ...

Это правильно. Власть и популярность должна быть у тех, у кого она должна быть, а не у неуправляемых мальчишек - выскочек, баловней судьбы, очень беспокойных и непрогнозируемых созданий.

Мимо шли люди, люди, люди... И всё это подлежало осмыслению. Философскому.

ПОПЫТКА БЫТЬ БИЗНЕСМЕНОМ

Много чего было, всякого, что будоражило мои мозги, и заставляло думать и философствовать рад и сохранения души, но наверно самый любопытный, хоть и суровый урок я получил, пытаясь как-то, в очередной раз стать успешным редактором газеты...

Дело в том, что я активно писал и печатался, и как бы профессионально созревал, независимо от желания. Вскоре настало время, когда в деле организации печатных изданий, где я уже проработал достаточно долго, и набив массу шишек, от внештатного журналиста до выпускающего редактора, я стал вполне себе определённым специалистом. Наступил момент, когда меня стали уже приглашать, просто уже как организатора, как стартменеджера, чтобы помочь начать и раскрутить новое издание.

Каждый раз я пробивал девственную плевую нового массмедиа: я разрабатывал дизайн, идею, структуру издания, обучал людей и налаживал первые реальные выпуски и сбыт печатной продукции. Я осеменял идеей массы и рождал смыслы существования и работы целых коллективов людей. Мне это нравилось - я чувствовал себя, чуть ли не Демиургом. Время диктовало нужду в новых и новых СМИ и я был к стати.

Дальше издания жили своей жизнью. Я же, как свободный художник снова уходил в тень. Это меня вполне устраивало, так как опыт показывал, что моё стремление к независимости, и мнение по массе вопросов, чаще всего не устраивало практически всех учредителей этих самых газет, журнальчиков, и пр. то есть тех, кто меня же и нанимал, для их создания. Это было естественно, ведь я решал пусть и временную, но творческую задачу, требующую самостоятельности и креативности мышления, умения сориентироваться в людях и в вещах, в модах и вкусах. А моим временным попутчикам – учредителям, как правило, богатеньким буратиным, с денежками и связями, нужно всего лишь одно: хорошее вложение их монет. Ну и расширение сферы своего влияния на рынок. Не более. Поэтому меня терпели постольку

поскольку. Но рано или поздно начинались тёрки и непонятки, претензии и скандалы. Зная это заранее, я не доводил до греха и уходил красиво. Заблаговременно и по-хорошему.

Я был как Боттичелли нанятый барыгами Медичи, рисующий и продающий им свои картины - газеты и потому чувствовал наверно, то же самое, что и он. Это сейчас все печатные издания принадлежат тем или иным медиахолдингам, а тотальный Интернет завоевал все ниши и сферы информационного и психо-эмоционального воздействия на массы, а тогда в 90-х и начало 2000-х, газеты и ТВ представляли из себя реальный актив по силе влияния и внушения, и были сферой беспощадной борьбы бизнесбаронов всех мастей и уровней, от местного до всеукраинского. Потом я узнал, что и в мире происходило всё то же самое.

Но однажды я изменил себе и таки вошел в состав учредителей СМИ. Основной финансит, назовём его Олег, оказался очень радушным и доброжелательным человеком. Широко и перспективно мыслящего. Да тут ещё и кризис украинского медиарынка, идущий вместе с кризисом украинской экономики вообще, заставили меня задуматься о более стабильном зарабатывании денег на жизнь, чем моё горделивое и свободное творчество фрилансера. Да и карьеру сделать хотелось. В конце концов.

Олег обладал финансами, связями, респектабельностью, высоким уровнем бизнеса и прочим. Я же обладал только знаниями и умениями. Он был не против полного финансирования своей стороной проекта, я же не соглашался. Пусть я беднее, но мы ведь партнёры! Решено было условно поделить наши совместные учредительные взносы на две части. Первая - затраты на типографию, и вторая - затраты на оплату труда. Мне досталась вторая. Если первая требовала сразу конкретных и непосредственных денег на типографское печатание тиража, то вторая зависела полностью от моего умения заработать, найти рекламодателя, договорится с подрядчиками и прочее. Срок первичной раскрутки издания был определен в пол года.

Поначалу всё шло шикарно. Я внедрял инновационные и самые демократичные методы подачи объявлений в газету, через SMS сообщения, я делал нетривиальные публикации и дайджесты новостей из сферы политики, культуры и искусства. Я печатал живой юмор и объявлял конкурс на полуголых девочек на задней странице обложки. Я печатал телепрограмму и интересные статьи. Я полностью автоматизировал систему обработки информации, чем по максимуму снизил затраты и себестоимость, и вполне справедливо ждал эффекта.

Параллельно я приобщался к респектабельной жизни. Рестораны, ухоженные женщины и денежные друзья. Полёты на луну. Жизнь поманила, свершено другими красками, о которых я, сермяга, мог только догадываться. Окрыленный высшим светом и общением со своими респектабельными друзьями, я уже по инерции всматривался в мутного себя и в то что со мной происходило. Сытость и голод оглушает. Одинаково. Первое усыпляет внимание, второе радикализирует. Нормальное мышление наверно возможно только в процессе нормального чередования того и другого. Без излишеств. Мышление сытое или голодное отражается на философии. Я сегодня с ужасом слушаю леворадикальные бредни голодных и праворадикальные шаманизмы сытых. И то и другое глупость, но за эту глупость человечество всегда расплачивалось кровью...

Я пополнил и расслабился. А издание росло слишком медленно. Дело в том, что рынок печатных СМИ очень быстро становился перенасыщенным всякими новыми и бессмысленными изданиями. Дело приобретало несколько затяжной характер. Шел четвертый месяц работы, а перспективы были ещё очень слабы, чтобы надеяться на результат, прогнозируемый в самом начале проекта. Надо было задумываться о продлении срока финансирования. До самоокупаемости издания надо было выдержать ещё пару месяцев, о чём я настоятельно убеждал Олега. Я демонстрировал ему честную статистику и растущий интерес читателей. Он сказал что ожидал худшего, и заявил что пара месяцев это просто чепуха.

Окрылённый его гарантиями и уже прогнозируемым успехом, я объявляю в газете конкурс, на самую невероятную житейскую историю, договариваюсь о рекламной поддержке на радио и пр. и оправданно предвкушаю победу над всеми скучными изданиями. И тут...

Совершенно неожиданно, финансирование газеты по части типографских расходов, со стороны Олега, первого соучредителя, прекращается. От слова, вообще. Самостоятельно издание печатанье тиража ещё не тянуло. Я пытался добиться аудиенции, но всё тщетно. Инвестор записал меня в игнор. Я рвал и метал. Хоть и не долго. С одной стороны мне было жаль потраченных сил и средств, с другой я отчётливо понимал, что всякое выяснение отношений с таким крупным мешком денег, чревато. Он прикрылся бы тем, что проект по части затрат, вышел за рамки ранее запланированного срока, и всё. Односторонне прекращение финансирования с боку финансиста Олега, автоматически снимало с меня всякую ответственность за дальнейшую судьбу предприятия в целом. Хотя горькое разочарование таки осталось: поклонники у нашей газеты уже были, ведь она была очень удобного формата (умещалась практически на ладонь), была озорной, краткой и насыщенной житейскими и пикантными умножками. Это было инновационное издание, которое я вынашивал долго. Но я не стал поднимать большой скандал. И оставил всё как есть. Народ разбежался без обид, так как работал без напрягов и понимал, что что-то подобное и должно было произойти. Создавалось газет много и много их гибло ещё на старте. Но я даже не предполагал чем всё это может обернуться.

Прошло полгода.

Сидя в своём полуподвальном офисе внизу Кирова, принимаю незнакомый звонок на мобильник. Это звонила налоговая инспекция моего района. Вопрос был риторическим, мол, почему я не плачу налоги. Смешной вопрос. Я поясняю, что как физлицо – предприниматель, я плачу исправно всё, а по остальным родам своей деятельности у меня нет никакой прибыли, что документы у вас есть и всё такое, в том же духе.

- Как это нет деятельности, - ответили скептически в налоговой трубке. – У вас одного только бюджетного налога за прошлый год накопилось сорок шесть миллионов...

Я переспрашиваю, пока ещё весело, не ошиблись ли они часом? Но чем дальше я расспрашивал, тем тревожнее мне становилось. Постепенно, я стал смутно догадываться, что произошло. Взял такси и рванул в налоговую. Из налоговой меня, уже персонально, с эскортом, как VIP-должника, повезли в налоговую милицию. Дальше закрутилось... Образцы подписей и допросы. Допросы и подписи. Очные ставки и долгие и нудные беседы на одну и ту же тему, где бабулеса, уважаемый...

Произошло следующее. Пытаясь сделать карьеру, мечтая о яхтах, девочках и шампанском, я оказался зиц-председателем Фунтом. Соучредитель мой, добрейшей души человек, инвестор Олег, имея вторую печать, и подделывая мои подписи, пропускал через нашу общую с ним фирму, такие деньги, от которых захватило бы дух у любого смертного. Не только у такого бедного редактора и бизнес карьериста как я. У меня, в результате головокружительных финансовых оборотов партнёра, возник многомиллионный налог перед государством...

Сделаю отступление.

Спасение человечества, его счастливое поумнение, невозможно на коммерческой основе. Допустим война, голод, лишения и прочие катастрофы, подстёгивали науки и технологии, способствовали активным поискам обществами новых знаний, технологий, оптимальных социальных решений и устройств. Они стимулировали мозговые мыслительные процессы индивидов и групп, давали им ускорение, изошряли мышление и заставляли формировать понятийный аппарат...

А как же иначе! Жить то хочется!

В покое и нирване, никогда не рождается мыслительных напряжений, а значит и философских систем. Поэтому глупо предполагать что счастье и прогресс возможны, без борьбы, без вызова. Без катастроф. В комфорте. Еще глупее предполагать, что с отдельным человеком это может быть как-то иначе.

Так было не только со мной, но и с доисторическим животным, из которого эволюционировал человек. К примеру, каждый «святой пинок» моей биографии, всегда приводил

меня в тонус, в чувство реальности. А целые общества он приводил к культуре, к самоорганизации людей, табуированию их поведения и мышления, формированию психокодов. Таких «святых пинков» в истории человечества было достаточно. И в будущем, думаю, их будет ничуть не меньше. Во всяком случае, единственным источником моего собственного увлечения философией, этим совершенно «бессмысленным» сегодня занятием, праздным и неопределённым, как это выходит некоторым образом, из названия конкурса, я считаю, является моя собственная судьба. Моя психофизиология, воспитание и стечение обстоятельств.

Действительно, во что ещё мог превратиться, проблемный, но темпераментный мальчик, ковыряющийся в своих душевных переживаниях, комплексах и проблемах, и постепенно начинающий ковыряться в проблемах общества, как и всего человечества, как в своих собственных, так как он вынужден уже себя ассоциировать с ним, по мере утраты своей собственной семьи и социальной идентичности? Но пока не об этом.

Мудрость раба и мудрость хозяина – это две разные философии. Мудрость наблюдателя и участника – тоже. И если мы думаем что социальные формы феодализма, монархии, рабовладения и общины, канули в лету, то мы глубоко ошибаемся. В модернизированном виде, в преобразованных формах, они сохраняют своё существование и поныне. Это как срез человеческого дерева. В нём мы можем увидеть кольца и контуры, от раннего детства цивилизации до его современного состояния. Они навсегда вплетены в структуру исторического процесса общества...

Трещины дают нам возможность наблюдать эти кольца...

Я думал над этим, сидя на допросах и очных ставках, которые шли потоком и полностью изменили мою жизнь и быт. Машина безжалостно скрежетала своими лопастями прямо перед моим лицом. Ещё один шаг и...

С точки зрения большого «кидалова» всё было ясно. Бравые ребята, т.н. силовики взяли меня в работу, как и положено, вдохновенно и со вкусом, предвкушая лакомый кусок. Они любовно сдували с меня пылинки, ожидая урожая, и никак не могли поверить, что у меня за душой ничего нет, кроме макетов на компьютерах и кучи непроданных газетных тиражей, давно превратившихся в макулатуру, завалившую офис. Милиционеры, грустно смотрели на всё, что я делал, на бланки и картинки, на конкурс полуголых девочек на последней странице обложки, и телепрограмму для пенсионеров, и никак не хотели поверить в то, что я не смог урвать пару миллиончиков на личные расходы, из тех сотен, которыми ворочал и которые украл у государства.

Они пристально изучали всех моих родственников и их собственность, ближайшее окружение и друзей, они обнюхивали всё, чем я занимаюсь, с кем общаюсь и чем увлекаюсь. Они взяли на учёт всех моих любовниц и не могли понять, куда я девал миллионы...

Наступала критическая ситуация, когда нужно было всем решать что со мной делать. Милиции нужно было решать, что можно на меня повесить, а что нет, а Олегу, который спокойно ходил вокруг да около, нужно было думать, как на мне окончательно замкнуть все свои миллионные афёры...

Человеку нужна философия, пока он человек, пока его жизнь представляет собой некий многоаспектный многослойный процесс, становление, линейное и нелинейное, требующее прогнозирования и формирования. Если же человек, исходя из превращения его в слабый и беззащитный биодовесок к технооперационным рыночным инфосистемам, перестаёт быть таковым, стало быть, и философия ему уже не нужна. Она бессмысленна, ибо предполагает процесс осознания им, человеком вопросов и проблем своего существования здесь и сейчас **ВООБЩЕ**. Так может думать только гегемон, каким человек, в массе своей, давно не является, ни де юре, ни де факто.

Судя по историческому процессу, современный массовый человек утрачивает не только своё право и возможность, но и **СПОСОБНОСТЬ ОБОЩАТЬ**, в пользу неких виртуальных техносистем принятия решений за него. Нынешний «техноромантизм автоматического счастья»,

технотронная религия будущего, идеофутуризм, совершенно не нуждается в человеческом осознании им своего места: всё и так будет хорошо, автоматически точно и правильно. Осознание заменяется обобщением, оно упрощается до понятия обработки данных. А алгоритмы сих автоматических обобщений будут задаваться по умолчанию, на основе ставших сакральными (и когда это случилось?) условно либеральных глобальных ценностей комфорта и частной собственности, которые ныне никем серьёзно не оспариваются и не упоминаются. Разве что социальной традицией, слабой и бесперспективной, и посему бесконечно маргинальной.

КРАХ БИЗНЕС-МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Звучит, конечно, по газетному просто. Но моя жизнь, в результате моей попытки сделаться бизнесменом, превратилась в ад. Каждый день я вставал, ехал в офис на работу, откуда меня могли резко забрать на допрос, до ночи, потом я возвращался домой, понимая, что это может быть, вполне мой последний день. В той сложившейся ситуации, я стал просто никому не интересен. Милиции, потому что ничего большего из того, что я сказал, сказать уже не мог, а Олегу, потому что, только спихнув на меня, похоронив меня со всей моей сермяжной правдой, можно было похоронить и все его проблемы.

В фантазиях я даже представлял заметку в местной газете, что мол, некий матёрый махинатор и бандит «Z», прикрываясь редакторством газеты, проворачивал миллионы, но был убит во время криминальной разборки. И потому следственное дело до логического конца не довести... В конце концов убивали и за меньшее.

Не знаю, были ли у меня основания бояться именно такого сюжета, но то, что сотни миллионов гривен (по курсу десятки миллионов долларов) и интересы нескольких хитрожопых бизнесменчиков и прикрывающих их силовиков, были намного важнее аргументом, чем какой-то человек, возомнивший себя редактором и творческой личностью, было очевидным.

Это были фантастические дни. Солнце светило как всегда, но в душе был мрак. Я как зомби шёл на работу и сидел в офисе, не способный ничего делать. Отсидев, возвращался домой и на утро всё начиналось заново. Допросы. Очные ставки. Я ждал удара. Я понимал, что ничто и никто меня в этом мире чистогана, защитить не может, ибо я видел, что и в лучших ситуациях, система ломала и давила людей без всякого сожаления и оглядки на персоны. Виновен или нет. Кого это интересует!

Я ждал удара каждый день. Мгновенного и неотвратимого. Моя фантазия рисовала одну картину ужаснее другой. Этот ад продолжался почти месяц. За это время я так устал от страха и ужаса, и своей беспомощности что-либо изменить, что начали появляться мысли, как бы так сделать, чтобы это случилось, побыстрее, чтоб уже всё это произошло... Нет сил уже ждать...

От усталости, внутренней душевной истерзанности, я напивался сам с собой, полностью и вдрызг. Затем шатаюсь, хватаясь за перила, выходил ночью на улицу и бродил, бродил, бродил... И думал. О всём, и ни о чём. Один, в ожидании то ли возмездия и смерти, то ли небесного спасения, или чего-то типа такого, чего и сам не знал и понимал... Какие только мысли и фантазии не посещали меня в те чудесные ночные прогулки, при свете фонарей и под звёздным кантовским небом. Мимо проходили люди... Счастливые и невозмутимые. Даже безногий калека, на инвалидном кресле с колёсиками, из местного пансионата, мне казался счастливейшим человеком! Они все были, или мне казались, безмятежны и свободны...

Вот когда философствуешь и думаешь о цене своей жизни, как и жизни вообще, по-настоящему! Вот когда думаешь без философского позёрства и эксгибиционизма. Каждый раз я заходил в тёмный подъезд своего дома, и ожидал удар... Тупой и окончательный... Последний, решающий. Облегчающий, наконец, все мои страдания.

Но удара всё не было, и не было... А я всё пил и пил. И гулял. Ночью. В ожидании киллера... Становилось даже как-то весело, и я стал перечитывать Пушкина.

*«Мне день и ночь покоя не даёт
Мой чёрный человек. За мною всюду
Как тень он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами...»*

В моей жизни часто бывало, что я вынужден был пересматривать всю свою жизнь, подвергать ревизии и переосмыслению всё, что случилось в прошлом, и всё что я хотел от будущего. Эта рефлексия происходила совершенно вынужденно, непроизвольно, и не доставляла мне никакого удовольствия, просто выворачивая кишки наизнанку. Мы ведь не часто смотрим на вещи дважды. Теперь я могу точно сказать, что вся моя жизнь это всего лишь, очередная попытка, очередной человеческой букашки, очередной борьбы с очередной бессмысленностью и относительностью её существования и мышления. Попытки сопротивления бессмысленности бытия вообще. Моего, чужого, кого угодно – всё равно. Преодоление бессмысленности... Вот главная цель человеческой культуры... И этой целью, точнее постоянным сознанием её, я отравил свою жизнь, наверно навсегда...

Спасибо, РАН, но моя конкурсная работа, с переменным успехом, позволила мне, как я потом увидел со стороны, подвести и некий неформальный итог не только моим философским "страданиям" последних лет, но и если хотите, итог целому моему жизненному этапу. Суметь философски самовыразиться, и этим, заодно, достойно отметить своё полувековое пребывание на этом свете. Однако эта моя работа, не только акт борьбы за существование философии как мудрости, уважение к ней, но и за своё собственное существование, как философа, так как чем радикальней и агрессивней социальная среда, в которой человек живёт и существует, тем радикальней и агрессивней его точка зрения. А философы тоже люди...

Последний раз, подвозя меня к дому после долгого допроса, на своей шикарной иномарке, милиционер, моложавый майор, красавец, сказал что всё. Разобрались. А я лично, больше не интересен. Никому...

Дальше всё затихло. Напряжение стало исчезать, я перестал пить и бродить по ночам... Не знаю, чем бы всё это могло закончиться, и что я себе тогда напридумал, но мысли, с которыми я, пьяный и смертельно уставший от страха и жизни, бродил по ночным улицам Приднепровска, мысли бешенные, крайние, наверно уже никогда мною не будут забыты. Во всяком случае, я не сошёл с ума (надеюсь), но с тех ночных отчаянно пьяных улиц, я вернулся просто другим ...

Я больше никогда не мечтал, встроиться в этот лживый мир. Я встроился в другой мир. Который сам для себя и создал. А респектабельность, всякая, у меня вызывает отвращение.

УМЕНЬШЕНИЕ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ

Уменьшение посевных площадей, или рост населения в «христианское» средневековье, или монополизация религиозного феодального природопользования, читай частно-корпоративного, приведшее в кризис христианскую цивилизацию, с её выродившейся нравственностью за индальгенции, это ли не то же самое, что нынешнее снижение прибыли корпораций, уменьшение площадей кредитных рынков, сокращение «сфер» вывоза капиталов, «условное перенаселение», с его глобальными «общечеловеческими ценностями», что точно так же взрывает современную цивилизацию изнутри?

Покупка мировых акций мировой частной системы, это ли не та же самая покупка индальгенций безответственности и безнаказанности у «церкви глобальных общечеловеческих ценностей»?

По мере уменьшения внешних и внутренних ресурсов системы современного природопользования усиливается и кризис современной цивилизации. По мере углубления кризиса усиливается видовая борьба. Или классовая, если вам будет угодно. А в условиях классовой или видовой борьбы мало кто заинтересован в мудрости своих классовых видовых противников. Философия как знание, как идеология и религия, как программа и искусство, как первичная форма всякого мышления, от её протоформ до нынешних, эклектичных и отчуждённых эманаций, всегда является инструментом воспроизводства бытия.

А любой инструмент всегда по необходимости может быть превращён в оружие...

Не знаю как вы, я я вижу тотальную массовую культуру ВЕЛИКОЙ ИМИТАЦИИ СМЫСЛОВ, напоминающую апокалипсическую истерику на Титанике. На большее либо просто нет сил, либо большее не предполагается в условиях борьбы за место под солнцем. Политика, напоминающая цирковое шоу и экономика, напоминающая преступление... Всё имитируется

вынужденно, и подвергается эклектизму, феноменологизации, расщеплению на удобные для манипуляции и спекулятивного извлечения прибавочной стоимости, а если уж быть точным - лишней энергии, ибо скорости слишком высоки, а ставки смертельны...

А жизнь коротка. Оперировав терабайтами информации и мегаваттами энергии, подминая под себя планету, сам по себе, человек, в своей массе, как мы видим, оказался антропологически обанкрочен. Он оказался ничтожен социально, культурно и экономически перед тем миром систем, который сам же и создал, для своего удобного благополучия и короткого периода исторической безответственности.

Он конечно молодец, но всегда за всё приходится платить. Это понимается всеми, если не сознательно, то в самых глубинных уголках подсознания, чувство долга по кредиту культуры - симптоматично. При всей научной мишуре и техницизме нашей эпохи, я бы назвал нашу эпоху скромно - библейские времена, когда единственной книгой, дающей более-менее глубокую образную аналогию и аллегория нынешнему времени, становится... Библия.

Всё что остаётся современному человеку, это пытаться успеть испить чашу соблазнов своего века до дна. И как всегда, в каждый эсхатологический пик любой нисходящей эпохи и цивилизации, во всякие «библейские времена», ему кажется, что он это не успевает. Но... испивает в полной мере. Свою долю. Как, невозможно было насытить древнего римлянина, или невозможно было спасти средневекового церковного прохиндея от христианства, так и сегодня, либерально-рыночный, глобальный обыватель, стал абсолютной не насыщаемой пустотой, а судорожные завывания о гуманизме, законности, правде и справедливости, а тем более построении новых трансгуманистических иллюзий завтрашнего мира, смешны даже ему же самому.

Человеческая цивилизация, в очередной раз, сделала смертельный индивидуалистический крен, и рассыпаясь на мелкие аллюзии, обреченно ожидает развязки.

Мы - продукт странного времени, где грани искусственного и естественного стёрты. Где мера ответственности за исход, высокотехнологично размазана по многочисленным социальным институтам управления. Где Бог умирает каждый день красиво и высокотехнологично. И об этом обществу каждый раз сообщает очередной... Новый Бог, с новым ярким именем, поблёскивая неонами и пластиковым перламутром.

Эту «энерго-антропологическую драму», мы ощущаем пока эстетически, чем смыслово. По сути, понимание кризиса, но отсутствие воли и энергии у современного человека, обусловлено его окончательным и пафосным самоотчуждением от природы. То чего так хотел человек, обособится, окомфортится и обессмертится, пусть и за счёт, как бы, «нижестоящей» ему биологической системы, или низкоранговых и низкокастовых соплеменников, произошло. Это всегда ставит одну часть общества в положение жертвоприносителя, другую в саму жертву.

И всё же контекстом моей конкурсной работы на тему «О пользе и вреде философии для жизни» будет не эта эсхатология наивности...

В конце концов, деградация, это нормально. Как и развитие, усложнение или упрощение, концентрация или разложение, движение вниз или вверх по шкале придуманных очередной цивилизацией очередных идеалов-маяков.

ЖЕНЩИНЫ И Я

Я никогда не нравился женщинам. А если и нравился, то таким женщинам, которым лучше я б никогда не нравился.

Когда-то я работал на одном заводе и ходил в столовую, и одна столовая фемина, по имени Оля, положила на меня глаз. Глаз у Оли был тяжёлый, даром что женский. И вроде бы, что тут такого? Ну положила. Но кроме своего глаза, Оля, на обед, обычно ложилась мне в тарелку ещё одну дополнительную котлетку и допсалатик. При этом, эдак заговорщицки (хотя это видели абсолютно все в столовке, от персонала до посетителей), махала тётке Алле, огромной такой, в диапазоне лет «сорок - семьдесят», даме на кассе, в большом, как у гусара, белом кокошнике, на широком, как страна моя родная, личике. И тётя Алла, невзирая на неповоротливость своей шеи,

так же заговорщицки, с пониманием «ситуации» и прищуром жирных глаз, как бы «незаметно» кивала. И эту котлетку с салатиком в общем счёте на кассе мне не считали...

Казалось бы живи-радуйся! Чего ещё надо? После этого люди обычно женятся. Потом только спиваются и разводятся... Но это ж потом. А мне же было не по себе: мой т.н. столовский роман видели все, а для меня любовь это всегда тайна... Поэтому котлетку я кушал, но внутренне протестовал. Каждый раз, столовская очередь, в основном мужики, хмуро смотрела мне вслед... Любовничку с подносом...

Вот что значит случайно, с дуру и перепугу, под настроение, один неосторожный комплимент разведёнке... Хотел всего лишь поднять настроение девахе, с грустными коровьими глазами... Поднял на свою голову!

Но надо знать меня, чтобы думать, что вот так, за котлетку и допсалатик, можно стреножить и обуздать жеребца, удалого и ушастого. Мятежный просит бури, как будто в бурях есть покой. Всё закончилось прозаически, как и началось: само собой. Я вертел хвостом и крутил вола, пока моя практика на заводе не завершилась, а на котлетки и салатки, появились более нормальные и вменяемые соискатели.

Склонность попадать в неловкие ситуации, по части женщин, была мною осознанна уже тогда, хоть не поддавалась управлению. Либи́до всё таки...

Нормальные женщины не любят мужчин склонных к самонаблюдению, и всегда обходят их стороной: жалкие ненадёжные типы... При слове философия, любая нормальная женщина пытается дать мне лекарство. И обходит как чумного. Ненормальные хотели женить, так как считали что моё болезненное увлечения книгами при таком здоровье, говорит о недостатке здоровой половой активности. Женщины в основном умнее нас мужчин, они системно мыслят, тогда как мы мужчины мыслим феноменами, самым дикарским способом, и которое срабатывает только потому, что мы безошибочно знаем где этот подход работает.

А вот суфражистки, нынешние феминистки, меня просто обожают. Тоже болезненно. Правда если меня, как философа общественника, больше интересовал их феминизм, как явление, как феномен массовой культурной психопатологии, на фоне мирового цивилизационного кризиса семьи и пола, сквозь призму которого можно увидеть нечто большее - эпоху с судьбоносной стороны, то их... Несчастных интересовало только одно, как впрочем и всегда, удержать свою высокую самооценку, путём унижения моей. Но я не в обиде.

С тех пор как я вослед дедушке Фройдю (Фрейду, Сигизмунду Шломо и пр.) и даже Карлу Марксу (от тоже по своему об этом говорил) глубочайшим образом осознал, что душевное здоровье мужчины зависит от его отношения к женщине, я не только простил свою первую жену, всех женщин, но и освободился и раскрепостился духовно и даже я бы сказал, философски. Осознание этой истины ко мне пришло не сразу, не по приказу упомянутых авторитетов, а через мучительные поиски связи между тем и этим, что я наблюдал по жизни, и признавал абсолютно очевидным. Объяснение и обоснование я этому дал уже своё собственное, так как объяснениями указанных философов я не мог уже удовлетвориться, как очень пространными и изжившими себя.

Исходя из биологической точки зрения на психосоциологию полов, я должен был логично прийти и к тому, что пресловутый женский эгоизм, который так обижает большинство мужчин, и который так смешно проявляется в разных феминистических движениях сегодня, имеет такое же биологическое, естественное происхождение. То есть эгоизм, как раз и связан, прежде всего с биологической миссией женщины вынашивать и рожать детей. А это согласитесь, любую женщину, беременную не беременную – какая разница, делает, автоматически и чаще всего, капризной и вредной. Ну и что с того? Ну делает... Да, они не все рожают детей, тем более не всегда и не часто, но ведь в том и состоит биологическое влияние, как абсолютный фактор, отражающийся на поведении женщин! Однако, чаще всего это выставляется в негативном ключе.

Да, я считаю, что женщины ближе к природе. Да! Не машите руками. В некотором смысле, они, женщины, и есть природа. Великая и капризаня. Нелогичная и стихийная. Не зря есть фраза: чего хочет женщина, то хочет Бог. Мы мужчины имеем свою миссию, не менее важную, но свою обособленную культурой. Зачем, как сказал Бердяев, начитавшись Ницше, грубить своей бабушке?

Почему же я, мужчина, спокойно отношусь к этой истине (женщина – природа)? Потому что природа разделила наши функции. Не мы в муках и боли рожаем детей на свет божий! Это их оправдывает. Если для кого-то этого мало, то мне достаточно. Скажу больше. Женщины просто должны быть немного эгоистичными из конкретных практических соображений. Тут как говорить и коню понятно... Поэтому некоторая поза мужчин, обиженных и оскорбленных женским эго-шовинизмом, тем более его современными чисто урбанизированными проявлениями, мне кажутся незрелыми.

Увы, работая юристом, и наблюдая картинки не придуманного реального бытия и нравов, я вынужден был составить себе достаточно грустную и циничную статистическую картинку: мы, мужчины и женщины стоим друг друга в социальной деградации и идиотии. Мы портимся одновременно. Но потому, что женщина и есть природа, стихия, от стихии надо защищаться, а природу охранять. От неё же самой. Как сказал Гюго, «Понять женщину легко. Для этого надо её полюбить».

СТИХИЯ

Я знал её давно по нашей городской тусовке общественников - броуновском движении, в котором мы, время от времени сталкиваемся локтями на мероприятиях, и отскакиваем, как теннисные мячики, стараясь ни в коем случае, даже случайно, не объединиться, в что-то более политически стоящее. Ну и соответственно не дай Бог поделиться бабками. Это столпотворение групп грантоедов, абсолютно неспособное к объединению и рациональному действию во благо общества как целого, и носящееся со своими бредовыми идеями, и называется сегодня общественными движениями. Бессмысленными в условиях рынка политических услуг, и беспомощным отвернуть руль общественного паровоза, мчащегося на всех парах в светлую пропасть.

Как юристу, мне предложили помочь ей знакомые. То есть бесплатно. Надо было составить иск о разделе имущества с её «бывшим», а это означало вступить в непосредственный контакт с ярчайшим, представителем общественной флоры и фауны. В данном случае представителем глобального феминизма...

Это была страшная феминистка! Не в смысле внешности (тут как раз всё было даже слишком), а в смысле убеждений. Говорить с ней было одно мучительное удовольствие. Каждый раз она намекала на свою женскую самостоятельность, даже когда её об этом никто не спрашивал. Это было её брендом. И логично: официально она была главой общественной организации под названием что-то там «...БуБуБу интернэшнал, в защиту прав женщин -», А неофициально полной убеждённой, что все мы мужчины – алчные и вонючие козлы. По определению.

Короче это было то, что надо, для моих социо-психопатологоанатомических и антропофилософских исследований. Всё как я люблю: глобальные бабки и глобальная баба. И куча глобальных тараканов в голове, которых можно изучать в мой маленький любительский философский микроскопчик... Нигде незарегистрированный.

То есть я мог наблюдать, какие программы данная особа отработывает, запитываясь нехилыми фондами из-за бугра, и отсюда изучать суть политики, и процессов, которые эти фонды фактически поддерживают, финансируя подобные оказии на постсоветских пространствах.

Отмечу, что феминистками я называю тех женщин, которые в силу частнособственнических нравов нашего времени и политических мод, словили т.н. «звезду». Поверили в свою женскую исключительность и неповторимость, независимо от реального наличия у них действительно выдающихся личных качеств и достоинств, просто как людей. То есть если женщина, то уже как минимум царица. Или Богиня.

Богинями этими, могут быть не только бизнесвумен, конкурирующие с мужичками за денежные знаки, делающие карьеру и отодвигающие в своей судьбе всё традиционно женское - детей и семью в бесконечную перспективу, и потому высоко ценящие себя за такую «смелость». Ими могут быть и эмансипе с окраин, сел и деревень, которые по-своему, провинциально, как бы

«ради детей» и мира на земле, хитро оттяпывают у своих муженьков алкоголиков-тунеядцев-наркоманов, или старых мужей, где земельку, где другое какое-никакое имущество: машинки, хатки, огородики и пр.

После, оттяпав, они танковыми колоннами красоты и независимости, прут дальше по жизни, к своему независимому, ни от кого и ни от чего, «женскому счастью». По ходу пользуя нашего брата от случая к случаю, и по возможности. Кичась одиночеством и спекулируя на нём.

Моя феминистка была гремучая смесь того, другого и третьего: городской апломб и сельская напористая провинциальность, сочетались у неё с мнимой образованностью, яркой внешностью, специфически «короткой» памятью, и полным, то есть стандартным, как для сегодняшнего дня, отсутствием всяческих морально-нравственных установок. Нет, официально, с трибун и тв, всё декларировалось ею как по писаному. Но на практике... Официальное и не очень, пополам с модами и педикюрами, инстаграммами и соляриями, Баден-баденами и комиссиями, все это вместе бурлило в этом общественно-политическом представителе феминизма, издавало разнообразные звуки, рождало дичайшие, с точки зрения здравого смысла, идеи. Цвело и пахло.

Короче, это было то, что нужно, для такого как я, фанатика «философского мониторинга жизни» - писателя местного, мыслителя домотканного. Поэтому, если отбросить иронию, женщина, она, как вы уже поняли, была достаточно амбициозная и по-своему умная. Палец в рот не клади.

Когда встречаются два жирных эго (её и моё), тем более женское и мужское, хорошего, как правило, не жди. С самого начала наше «деловое сотрудничество» начало развиваться по типу киноподобного сериала – соревнования. Полуслужебного романа «догони и я посмотрю» и «хорошо, завтра точно догоню». Если захочу.

Я согласился помочь бедной женщине, а она согласилась удовлетворить моё официальное любопытство новыми веяниями на суфражистском фронте. Но пошло что-то не так. С самого начала она высокопрофессионально делала глазки и выпячивала губки, надеясь компенсировать бесплатность моей работы, общением с ней, своей красотой и женским обаянием. По ходу надеясь на создание у меня окончательного и бесповоротного комплекса сексуально озабоченного идиота...

Хорошо, думал я, ну озабоченного, но почему сразу идиота? Неужели потому, что я согласился работать бесплатно, по общественной линии, ведь другому юристу, ей надо было бы и заплатить?

Как бы не делала глазки, моя глобальная феминистка, по всему было видно, что обращение её к юристу - мужчине, сильно её напрягало само по себе. Чего таить, авторитет у меня кое какой, среди общественников уже был, поэтому выбор в пользу меня, бесплатного, хоть и мужчины (пусть и козла вонючего!), перевесил все её расчёты. Хоть отвлекал её силы.

Я дал ей понять сразу, что указанное выше обстоятельство, вижу без очков, поэтому хорошо бы прекратить этот театр одной актрисы... рассчитанный на примитив, в котором она себя убедила, по отношению к нам, мужчинам. В ответ она... сделала вид что удивилась... И хотела, было психануть, но моя бесплатность и авторитет, удержали. Тогда она переключилась на более сложный, интуитивный режим женского доминирования, под девизом: «ну-ну, и покажи, что ты там можешь, пронизательный ты наш?!»... При этом, не преминула, уколоть, что мол, это я сам виноват: она с самого начала видела странное любопытство с моей стороны к её личности. И потому, доверившись, поверила в мой интерес к ней (который реально видела), но теперь впредь будет благодарней... И т.д. и т.п.

Вообще межполовые игры - увлекательная и занимательная вещь, не только для развлечения ума, но в том числе и для здорового полового «серфинга» на стороне. Что для тонуна мужчины, поддержания себя в форме (всё ж ради полноценной семейной жизни!), вполне понятная вещь. Но, если бы я каждый раз «серфинговал» во всех подходящих случаях, моей

литературной сублимации просто не хватало бы на писание философских текстов и участия в философских конкурсах. И потом, должны же быть хоть какие-то ограничения в сладком?

С юности, готовясь к старости (!?), я старательно, по возможности, воспитывал в себе способность получения удовольствия и удовлетворения, не только лишь путём эротического вожделения, срок которого, я как-то сразу догадался, не бесконечен, но и творческого, умственно-душевного, вдохновенного. Философского!!!

Радость творчества, сквозь бессмыслие и примитивизм эпохи цифровых бурь в людской пустыне, сквозь истерики и свиной бисерный визг и интеллектуальный бред, сквозь собственную лень, бездарность и безверие, сквозь тупость и низость инфантильных нравов, царящих вокруг, пополам с радостью аскезы и горечью поражений над пошлостью барыг и скотской безответственностью толпы - вот что мне было нужно... Вот что делает меня счастливым, независимо от формальностей бытия ...

И вот, она эта радость, мною была познана. Однажды. Чисто случайно. Познана еще в юности, на аэродроме, где я ловил маньяков и уже ничто не могло мне дать полноты счастья, если в том что я делаю, не было хотя бы отголоска философского самопоиска и творческого экстаза. Этот наркотик дает мне хорошую эмоциональную независимость от чрезмерного влияния чего угодно, Тем более бурлящего либидо от особо радиоактивных женщин, которые, как известно, на самом деле, от природы, склонны к тираническому собственничеству...

Но дело даже не в этом. Я захотел помочь этой женщине, расстаться с некими своими вредными иллюзиями. Касательно мужчин. А пуще всего касательно её мужа, не самого плохого, как я увидел, по нынешним меркам, парня. Обычный обыватель, как многие. Просто не готового быстро смириться с растущими амбициями жены. Все проблемы у них как раз и начались, когда его супруга, выиграв первый и второй грант на борьбу за права женщин, окрылённая самостоятельностью и независимостью, полностью изменила стиль общения с ним.

Я задумал сделать невысказанное. Обуздать взбесившуюся кобылицу. Это была моя гуманитарная миссия, в которой пряталось и моё любопытство. Ну и мужская солидарность. Чего уж там таить.

Кобылица сразу уловила моё намерение, и оно её... дико развеселило. Она рисовала другой сценарий нашего общения. Если на моей стороне была работа, закон, нормы приличия, воспитание и желание восстановить уважение к мужчинам (в лучших традициях рыцарских романов... середины XX века), что ею воспринималось как смешной и типичный мужской шовинизм, то на её стороне были глобальные лозунги борьбы за равенство женщин, образы мужей насильников, убийц, деспотов и скряг. А главное, полная уверенность, что все мы самцы и дешёвые донжуаны.

Кроме этого на её стороне были мордашка, ноги, туловище и вообще, что, судя по всему, явно мешало её адекватности. Если Ницше в Заратустре, мог красавцу юноше сломать нос, дабы тот протрезвел, то сломать нос этой феминистке мне показалось слишком радикальным философским решением.

И я был вынужден согласиться, так как отчасти, всё это было правдой. Окей, мы самцы. Но я выворачивался и настаивал, что интерес мой заключён в её общественной деятельности, успехах и достижениях (какие там к дьяволу успехи!) потому и любопытствую... Таким изощренным образом, я намекал, что собственно ничего другого, имеется в виду, каких-либо других достоинств, кроме своего рода занятий и должности, она и не имеет...

Так мы и продолжали «сотрудничать». А наши амбиции кусались как змеи в клубке под ковром официальности. Я хотел доказать своим поведением и отношением к делу, что мы, мужчины, достойны уважения, и шаблоны её просто глупы. А она мне пыталась доказать НЕТ. Ты притворяешься гад. НА самом деле ты недалёкий, хоть и юрист, грязный и похотливый самец. Фасад её официальных убеждений держался прочно. Он прирос к её персоне. Это был образ, который её кормил. И сдаваться она не имела никакого желания и права.

Наступил момент и борьба её утомила. Да и работу я свою делал честно. Как никогда. Ей надо было пересматривать свои позиции. И тут она сделала ход. Она демонстративно загрустила. Она сделала вид, что грустит от того, что я вижу в ней только общественницу! Мол, это её

личное огорчение и меня это не касается. Хоть и я тому виной. Мол, женщина надеялась, а я юрист, бесчувственная и безвкусная скотина, бумажный ботан, не оценил глубины противоречия её натуры и прочее, и прочее.

Каков разворот? Рыбаки обычно в таких случаях подсекают. Но я нюхом чуял, что там ещё заглывать и заглывать. В ответ, я опять дал ей понять, что вижу эту её игру, и что она, конечно Богиня. И что она это отлично сама знает, рыба моя! И что я знаю, что она это знает, что я это знаю... Поэтому - не надо!

Весь этот садистко-эротический дурдом, происходил на фоне моей как бы юридической помощи. Как он увязывался с проблемой, которую надо было решать, с самого начала, было непонятно. Разве что если действительно предположить, что таким образом эта мадам хотела цинично и максимально «морально» удешевить мою работу. И по ходу развлечься. Дело в том, что дело не ограничилось просто написанием иска, как это обычно и происходит. И потому она начинала чувствовать себя не очень комфортно, при такой моей честности. Больше того, незаметно я стал помогать и консультировать всех её знакомых, подруг и родственничков. Даже её собаку.

Наша «дружба» странно углублялась по мере увеличения её юридических проблем и проблем её подруг. Но я ведь джентльмен (чтоб я сдох!) и пытаюсь доказать что мы мужчины, достойны уважения, и с дам, в несчастье, много не беру (пару поцелуев... шутка) я как раз и попадаю в странное положение, о котором говорил выше. Я мастер попадать в ситуации.

Нет, нет, я не тянул её, хитро и в конечном итоге, в постель, играя в благородство, это было бы слишком просто, и это было бы доказательством всех её обвинений. И она бы просто победила. Я терпеливо пытался показать абсурдность и по меньшей мере непрактичность её жизненной установки, и тем более общественницы, выступающей с трибун в защиту женщин и пудрящей им мозги, бедным и несчастным, такой ахинеей. Я хотел показать и доказать абсурдность ГЛОБАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ФЕМИНИЗМА на конкретном примере. Хотя бы для себя.

В общем, каждый из нас затаился. Мы поняли, что весь цирк (или роман), или триллер наших «деловых отношений» еще впереди и обещает быть бурным... Сами понимаете, что конкретной работой, при таком раскладе, пахнуть не может. Потому и не пахло. Пахнуло духами. И кофе в случайных кафейнях... Разговорами, подчас увлекательными и драматичными. И... хорошими мужскими парфумами, которыми я, (сволочь!!!) таки начал пользоваться.

Слухи о нашем «романе» поползли по общественным организациям, и даже «чуть не попали в их годовой бухгалтерский отчёт». Я свою работу уважаю, хоть и понимаю что среди нашего брата юриста, полно гнили, имитирующей юридическую работу, чем реально работающей...

Я не имитировал. И я никогда не нравился женщинам. И потомунисколько не поверил в то, что эта глобальная фемина, вдруг снизошла ко мне, в ореоле глобальных ценностей. Я уже предчувствовал, что наши павлиньи психополовые танцы городских сумасшедших, на фоне инфляции денег и моральных ценностей, хорошим не кончатся.

Неожиданно, в какой-то момент, мы оба стали чувствовать, что погрузились друг в друга неприлично глубоко. Мы стали понимать друг друга с полупамята, как понимают люди, прожившие по сорок лет на одних кухнях. Так как это произошло без банальных сексуальных опытов, то есть неестественным путём, и она не называла мой номер в своём телефоне - «Склад № 4», это стало вызывать сплошное неудобство в общении. Наступил момент, когда надо было определяться: либо к умным, либо к красивым.

Я видел, как она тяготится. Ведь ей надо было уже признать, что мы мужчины тоже можем быть полезными и нужными в глобальном хозяйстве. Но она уже просто выкручивалась. А это было уже некрасиво. Я намекнул, что мне нужны её официальные признания по этому поводу. Это единственное, что я её прошу, по результатам всей моей огромной помощи... Отношения натянулись. Она насторожилась.

Если б она не была общественным деятелем, и если б ей в рот не смотрело тысячи женщин, которых она учит уму и превосходству, я бы ей простил. По Фрейду и Марксу. Но тут, другое...

Взвесив все за и против, желая прекратить эту игру, которая засасывала нас всё дальше и дальше, и которая уже как нелепый театр амбиций нацепил на нас дикие маски, уже начинавшие прирастать к физиономиям, я сказал, чтобы она мне... заплатила. За всё. За подруг. За собаку. Чтоб она ответила за козла.

Для неё это был шок. Именно этого циничного и обыденного поворота, она, от меня романтического фраера, с его социологическим мировоззрением, ожидала меньше всего. Недели две мы не общались, хотя привычка к общению и потребность этого общения не раз заставляли и поскучать. Даже меня...

И вот. Однажды, среди ночи... Звонок. Она была пьяная. Она плакала. Она впервые плакала при мне. Это было что-то!

- Ты такая же сволочь, как мой муж, - сказала она. – Ты даже хуже. Он хоть любит меня, а ты самовлюблённый, алчный тип. Я знаю, что ты онанируешь на меня!

Я согласился лишь бы успокоить.

- Так вот, чтоб ты знал, я возвращаюсь к мужу. Да мы помирились!!! Всё! У тебя больше нет работы, а у меня больше нет никаких проблем. Понял скотина?

Это был мой маленький гражданский подвиг. Я сохранил семью.

ПОДСЛУШАННЫЙ ЖЕНСКИЙ РАЗГОВОР

Как-то сидя в электричке, я случайно подслушал разговор двух женщин, старухи и молоденькой девушки. Я сидел впереди и видно они меня не видели или забыли. Или думали, что я заснул. Они обсуждали тему вечную для всех полов и возрастов: как найти свою половинку... Причем старуха была заинтересована не меньше чем девушка и говорила очень откровенно. Вообще, женщины эти, судя по их разговору, были старомодны и не в курсе современных веяний и трендов. А именно того, что «половинки» сейчас как бы и не нужны. А сексом можно заниматься и с резиновыми куклами. Или лучше всего с директорами - работодателями. Что хотеть жениться или выйти замуж это полный моветон - несовременно и отстойно... Зачем эти обязанности! И речь шла у них не о сексе. Женщины об этом, тем более с такой разницей в возрасте, откровенно говорят наверно, очень редко.

Речь шла о жизни вообще. Речь шла о том, как выйти замуж и соответственно как для этого познакомиться... и чтоб не с дебилом. И чтоб с симпатичным. И чтоб вообще...

- Эх... горе ты моё. – сказала старуха. - Сейчас тебе расскажу. Только надо отнестись серьёзно... Потрудится надо...

- Ой Ба... говори. – нетерпеливо сказала девушка.

Я наострил уши...

Разговор был не очень длинный, но ёмкий. Не стану всё пересказывать, тем более что женский разговор, как правило, похож на содержимое их сумок, обо всём на свете. И нужное на дне. Совет, который дала эта пожилая женщина молоденькой девушке, и который я, надеюсь, правильно уловил, сквозь их заговорщицкое шептание, просто потряс меня своей простотой и мудростью! Посоветовала она наверно то, что в свое время применялось и в её молодости...

Внимание! Старушка советовала ей... таскание тяжелых сумок...

Таскание тяжёлых сумок? Да. Таскание тяжелых сумок!

Просто... таскание тяжелых сумок. Поясню, а вы раскиньте умом. Девушка тащит сумки. Ну как бы тяжёлые. Не обязательно грузить их гантелями. Парень, оценив по-своему девушку, и примерившись, хочет помочь. Он уже молодец. Предлагает помощь... Девушка, и себе, оценив парня-кавалера, либо соглашается, на помощь, либо нет. Ведь только она регулирует этот процесс с самого начала. Не понравился внешне – отказывай. А там, как говорится полно сценариев для продолжения!.. Или завершения. Дальше. Они идут. Как не поговорить, о том о сём. О жизни, как зовут, чем занимаешься.

Какое красивое житейское начало! Какой мудрый совет!

- Папа, а как вы с мамой познакомились?

- Понимаешь рыбёнок, мама шла, такая, а папа помог маме...

Гениально, символично, афористично! Воспитательно.

Но как типа философ, или тот, кем они себя называют, я должен дать пояснение к этому совету, в его сущностном смысле. Любовь и брак, и вообще отношения постигаются в деятельном участии и наблюдении людей друг друга. Почему так характерен был в советские времена амур на производстве? Потому что, во-первых, это производство было. Массовое. Промышленное, с участием миллионов мужчин и женщин, и они могли достойно оценить друг друга в реальном деле, в процессе. Во-вторых, создание, сооружение имеет под собой репродуктивный смысл - аспект. Люди штамповали детали и штамповали детей. И это обновляло социум, как организм обновляет клетки...

ФИЛОСОФИЯ В ДЕЙСТВИИ

Предлагаю сделать попытку осмысления феномена «пользы и вреда философии» в современных исторических условиях, на конкретных примерах, хотя эта попытка, возможно, будет выглядеть наивной, учитывая её, философии, почти маргинальное нынешнее состояние. Потому, во избежание подозрений в рецидиве абстрактного словоблудия, уже привычного в таких случаях, хочу договориться для начала, что философия, это не самоуспокоение, не эксгибиционистская имитация мудрости, не ультрамодная интеллектуальная схоластика и схематизм фрагментированного понимания бытия, а инструмент регуляции бытия общества. Мы забыли про социальную функцию философа. А она, как бы не была сегодня проинфлирована, есть.

Хороший доктор стремится диагностировать всего человека, а не одну только его больную почку. Так и тут. Философия - это образное моделирование и психическое переживание многообразных сущностей ВСЕЙ ЖИЗНИ, ситуаций и процессов, необходимое нам исключительно ПРАКТИЧЕСКИ, т.е. для принятия РЕАЛЬНЫХ решений, в тех или иных сферах жизнедеятельности, в тех или иных конкретных ситуациях.

Философия, всегда приходит на помощь, когда уже невозможно руководствоваться ни математически точным, ни готовым эмпирическим опытом-знанием. Но есть и политическая диалектика философии как явления: очень часто при помощи суррогатов философии уходят от ответа на неудобные рациональные вопросы, и наоборот, пытаюсь уйти от неудобной философии, пользуются типа «достоверным» знанием.

Считаю возможным рассматривать тему не в плоскости ЧТО мы называем «философией» и «жизнью», «добром-злом», «пользой-вредом», и пр. а в плоскости смотря «ДЛЯ КОГО», и «ДЛЯ ЧЕГО» нам это нужно. В конце концов, я вправе задать вопрос из области биржевых спекуляций: мы тут продаём или покупаем?

Скажите мне кому и для чего это нужно, и я скажу вам, что это такое. Гегелевский принцип нас вполне может выручить. Поэтому, прежде чем говорить, всегда стоит понять, в какой системе координат мы рассуждаем? Как минимум, мыслить можно в рамках вида, или в рамках индивида. Или рамками групп индивидов. При этом не всегда содержание мышления соответствует декларируемой форме этого мышления. Это к примеру когда политик, плутократ, традиционно заигрывая с социумом, в очередной избирательной программе, говорит о революционных преобразованиях для народа... Но... только лишь для того чтобы добиться своего, хорошо продаваемого места в парламенте.

Знакомясь в меру возможностей и сил с мировым философским процессом (историей), по философским артефактам-следам, я нахожу очевидным, что уже со времен первобытных начал мышления, через формирования первых древних философских концепций и доктрин, и далее, дальнейших интуитивных усилий (как сегодня нам кажется, мифологического или религиозного характера) сориентироваться в бушующем мире, философия (мудрость) была, и по сегодняшней день остаётся заложницей либо политики, либо корыстного честолюбия наёмных учёных, либо социальной конъюнктуры, либо классовой войны. Либо, скорее всего, вместе взятого.

Философы говорят об одном и том же, с разных точек зрения и разными словами. Они как шаманы, каждый раз пытаются заговорить свою боль или чужую, потому как только боль вызывает познание, потребность его. Я повторяю, что как боль, пробуждает познание (мышление-философию), так и само познание (мышление-философия), искреннее и истинное, вызывает боль. Это нисколько не говорит о ней, как о чём то плохом или скверном, это ДАННОСТЬ.

РАЗГОВОР АЛКОГОЛИКОВ

Как-то я был свидетелем и слушателем разговора двух интеллигентных алкоголиков, на пляже, которых рынок и социальные реформы, а также неправильное представление о мире и жизни превратил в то, что теперь называется маргинальная часть общества.

Два облезлых типа, один худой, другой толстый, с испитыми лицами и в дырявых босоножках, сидели передо мной, в метрах шести, в тени, и пили. Классика унылого жанра: бутылка и нечто вроде закуски. На полотенце. Разговор их касался... Гегеля. Несли они конечно полный вздор. Но к разговору они относились более чем серьёзно. Это было как священнодействие, подтверждающее принадлежность бродяг к чему-то высокому, и утверждающее их в собственных глазах.

По всему видать у них вышел спор.

- Как ты можешь утверждать что-либо, если всё в этом мире относительно! – горячо высказался худой. И удовлетворённо уставился в толстяка.

Толстый, на секунду перестал жевать. Слабая мимолётная тень напряжения мозгов промелькнула по его лицу. Я прислушался. Это всегда очень интересный момент, во всех философских спорах по умолчанию. Я даже напрягся...

Худой самодовольно качал головой. Толстяк смачно срыгнул. И наслаждаясь моментом, изрёк:

- Но ведь ты утверждаешь это.

Я аплодировал.

Всякий философ, как мне кажется, шупает и находит эту связь вещей, по-своему. Это с одной стороны. С другой, все философы одинаковы, в том, что строят своё мировоззрение вокруг некой основы. Даже если утверждать, что нет в мире ничего основополагающего, то даже эту идею можно положить в основу философствования и всё начинать сначала... Другой вопрос, что данное утверждение (всё безосновательно), противоречит с таким же успехом и самому себе. Обычно подобные смысловые парадоксы, похожие на апории, я считаю хорошими лишь для соблазнения девушек или поддержания бесед с начальством, во время застолий. Для реальной философии (мудрости) они бесполезны. Как два зеркала поставленные друг перед другом и отражающие бесконечную пустоту... Нашу пустоту, как пустоту людей, которым заняться больше нечем. В затишье перед глобальной бурей...

В конце концов, делаешь ты это (философствуешь) в полных потёмках, либо в ослепительных лучах света, эффект один и тот же. Чаще всего мы не знаем, о чём на самом деле говорим, и отсюда говорим только то, что не знаем.

Потому что если бы мы знали точно, мы бы молчали. Мне, если и удаётся иногда уловить эту связь, то только лишь тогда, когда решительно отвергнув философско-эстетический фантом «познания ради самого познания», но что постоянно культивируется современным образом в философии, как некое «чистое явление», я встаю на путь т.с. старинной и немодной ныне гуманистической натурфилософии и естествознания, и надеюсь на некий т.с. мой «полевой результат».

МОИ АПОРИИ

Как философствующий практически, а не формально, я часто ввязываюсь в различные интернетные споры и дразги. Пишу длинные и нудные статьи, когда это можно было бы изложить в двух трёх предложениях.

Думаю, известна всем знаменитая апория Зенона, про черепаху. Всё очень забавно. Эту апорию связывают с познанием материи. Но мне кажется, это вообще о познании. Просто Ахиллес в реальности таки догоняет черепаху, хотя не должен. Но я не хочу копаться в этом. Я хочу дать вам примеры своих апорий, которые являются примерами моего непосредственного вмешательства в проблемы жизни как философствующего. То есть как общественника любящего мудрость. Как бы там ни было, они отражают меня и моё мышление. А также сферы моих поисков и размышлений.

Естественно они касаются непосредственной жизни социума, а не умозрительных концепций, как у самоутверждающихся алкоголиков.

ТАЙНА ПРОСТАТИТА

Парадокс: чем здоровее и полноценнее ваше мужское половое здоровье сегодня, тем больше у вас шансов его потерять!

Поясню. Всем известно, что современная реклама очень часто использует эротические приемы и символы для повышения внимания к себе. Точнее к тому товару (информации), который она, как реклама, двигает в массы. На заре капиталистических отношений, это были ещё робкие шаги. Допустим, реклама пудры или одежды сопровождалась фривольными картинками рисованных барышень и мужчин. Но чем дальше, тем больше и смелее.

И вот сегодня, мы видим НЛП изошренные, по-фрейдистски фаллические и вагинальные символы товаров, оргиастические лица счастливых их обладателей на бигбордах и на экранах ТВ. Все построено на вечном стремлении человека к половой полноценности (привлекательности), и на стремлении к наслаждению. И это не говоря о нецензурностях, сомнительного юмора Вечерних кварталов, комедиклабов и т.д.

Современная наука продаж, а проще сказать «продажная наука» манипуляции потребительским сознанием, научилась изошренно использовать естественные законы психики, ради коммерческой выгоды. Не более. И сегодня, сфера применения фрейдистских схем, НЛП через либидо, так же широка, как и сфера применения химии в народном хозяйстве. Вот уже и в современной политике стало очень важно, чтобы образ, создаваемый кандидатами под выборы, был обязательно сексуальным. Залог успеха. Неважно, что там говорит кандидат о чистке социальной канализации и вскрытии экономических гнойников, главное чтобы кандидат был эротичным. Сексуальным. А там хоть потоп.

Сексуальный инстинкт это природная стихия, находящаяся внутри человека. Спорить с ней, бесполезно. Пускать на самотек – опасно. Зажимать, ставить ногу на горло как песне, опасно вдвойне. Только использовать её живую творческую энергию во благо общества и государства! Для организации этого процесса, процесса обуздания стихии инстинкта, которой только дай и она много чего наделать может, общество, человеческая цивилизация, с трудом подбирала разные ключи, создала семью, придумала традиции, нормы половой жизни, морали и закона. Этим оно оформило природу инстинкта и экономически и политически.

Да нет же! – говорит современная наука толпе. Секс это просто ковыряние в носу, иногда доставляющее удовольствие... И это удовольствие мы вам будем продавать. Ковыряйтесь.

Фактор возникновения простатита - застой крови и секрета в предстательной железе их воспаление. Это мнение медиков. Логично и не трудно догадаться, отчего этот застой крови и секрета (семени) вообще может происходить? Отбросив лишние описания и кучу разных урологических слов, приходим к единственному. Правильно: от нереализованного до конца полового рефлекса, постоянно запускаемого в организме, во время стимуляций извне. То есть от лицемерия эротической рекламы...

От постоянного вкл-выкл сломается любое устройство, не только это...

То есть проблемы начинаются от постоянного обрыва его (рефлекса) на половине пути. Это точно также как если бы электрический ток остановился посреди сети и не знал что дальше делать или назад в розетку, или включать лампочку. Или бить электрика. Эта ситуация повторяется независимо от желания, потому что рефлекс-то безусловный. Накопление энергии - рецидив срыва и скандала. Для менее культурных людей – преступления. Или уважаемые

читатели будут отрицать существование подсознательных реакций на различные неосознаваемые раздражители? Можно привыкать к пришибленности рекламой, и быть ни на что не реагирующим мужчиной. Тоже вариант.

Итак. Апория. Чем здоровее и полноценнее ваше мужское половое здоровье сегодня, тем больше у вас шансов его потерять!

Перевожу. Все знают что вредно, но всё равно используют...

Это круче чем курение. В курении есть хотя бы выбор. А тут выбора нет.

Философия рынка и вседозволенности, которую носят и обыватели, выгодна для продавцов счастья с наценкой. А вот самим обывателям она вредна.

БРИГАДНЫЙ ПОДРЯД

Апория: Знаем кино - плохое, но смотрим.

Когда-то давно, во время всеобщего увлечения и вируса сериалом «Бригада» я круто поспорил с некоторыми своими знакомыми, по его поводу. Я утверждал, что данный сериал, это культурологическая диверсия против общества, так как романтизируя убийц, бандитов и наркоторговцев дала им зеленый свет вообще. Тысячи пацанов копировали космосов и прочих белых. Они пытались быть крутыми. Они обезьянничали копируя кумиров. И чем они закончили? Они просто истребляли друг друга, тогда как истреблять надо было тараканов. Или врагов Родины. Которых всегда хватает.

Я был одинок в своем мнении, меня тогда никто не понимал и все смеялись над моим старушкиным морализаторством. Каково же мое было удивление, когда недавно я узнал, что, Павел Маков признался недавно: «Бригада» - это преступление перед Россией, в котором я участвовал. И Безруков участвовал. Только он потом Иисуса Христа сыграл. А я бы никогда не решился после «Бригады» играть Иисуса...

Искусство несёт ответственность. Но перед нами не искусство, а циничный расчёт привлечь зрителей, навязать им шаблоны поведения и миропонимания. Поменять образы допустимого.

Апория: Знаем кино плохое, но смотрим.

Перевожу. Это круче чем химическое оружие.

МЯСОРУБКА ВОЙНЫ ПОЛОВ

Апория: Современное школьное членовредительство: сидим на суку и пилим.

Дело в том, что развитие мальчиков и девочек, как биологически, так и социально, происходит совершенно по-разному и в разные сроки. Девочки, от природы существенно опережают в созревании своих одногодок - мальчиков, и в психофизиологическом плане, и в эмоциональном. Соответственно и в умственном. Это связано с естественным законом Природы (вы будете смеяться, но её законы всё ещё существуют!) дать женщине её репродуктивную функцию значительно раньше, чем это происходит у мужчины. Это научный факт.

Но в нашей привычной и традиционной системе образования эти дети учатся вместе... должны вместе выполнять задания, играть, дружить, и пр. Не надо быть большим ученым, чтобы не понимать, что девочки для мальчиков, как и мальчики для девочек, в этом их самом нежном возрасте, являются самым большим раздражителем... Так уж устроен этот мир человеческий...

Если мы думаем что Зов Природы начинается только с эрекции в штанах, или месячных, мы ошибаемся! Всё начинается значительно раньше. Детское подсознание более... подсознательно чем у взрослого.

Наши первые, детские, впечатления о противоположном поле, закладывают психоэмоциональную основу, т.с. «программируют» нас на всю нашу последующую жизнь. Фрейдизм и прочие экзотические направления психологии, по сути, говорят только это, хоть и своим специфическим языком. Бихевиористские направления социальной психологии, описывающие поведение человека через наиболее закрепившиеся (в раннем возрасте) рефлекс головного мозга, также, своим языком и логикой, подтверждают, что рефлекс, в данном случае, рефлекс полового созревания, поведения и соответственно полового мышления (как и вообще

социальное поведение) программируются именно там, в раннем возрасте, в ранних аффектах... Дальше они только могут субкорректироваться.

Включим логику, интуицию и фантазию, причем одновременно, и они нарисуют странную картину... Проще говоря, поставим себя на место наших любимых и обожаемых деток уже с учетом понимания вышеупомянутых фактов. Что ж получается?

Из современной школы дети выходят с неправильными, но уже подсознательными представлениями друг о друге. Девочки считают мальчиков недоразвитыми и тупыми (это ж так и есть!), а мальчики девочек - надменными и жестокими. Как известно, из физики, ничто никуда не исчезает. Энергия невроза тоже. Куда же, на взгляд официальной педагогики, исчезает психическая энергия данного невроза, ведь любое противоречие имеет вполне конкретную энергетическую природу и выражение?

Девочки взрослеют. Надо ли говорить, что очень многие представительницы «слабого» пола, становятся на путь отчаянных попыток искусственного возвращения утраченных позиций (то есть исправления «этого несовершенного мужского мира» куда они, бедняги, попадают). Попыток абсолютно неосознанных, автоматических, инфантильных, сумасбродных и по-детски эгоистических, типа «жить только для себя и в себе самой». Рожают для себя. Живут для себя. И прочее - для себя...

Не в этом ли разгадка феномена женской стервозности, неоправданного женского самомнения, и других фетишей феминизма, между делом навязываемого современными СМИ, как якобы «вынужденные» способы выживания женщины в «жестокое мужском» мире?

Ещё более драматичной и проблемной выглядит судьба мальчика и мужчины, покидающего стандартный «смешанный» класс. Как правило, он выходит изначально, со скрытым или явным, комплексом неполноценности, сомнением в своих способностях быть достойным женского внимания. Не говоря уже о уважении и понимании. Интерес к себе как человеку, он исключает заочно!

И вот, в то время когда вся его природа говорит, о начале важнейшего этапа его личностного мужского самоутверждения и социализации в обществе, он сталкивается с подсознательным внутренним архетипом... более умной и более развитой девочкой в общем классе и вынужден испытывать страх жесточайшего разочарования в себе! Смирится с этим фактом (разочарованности собой) - прямой путь к инфантильности.

Бороться, бунтовать – значит озлобляться, конфликтовать с чем-то непонятным и... священным. С кем, с самой женщиной?! Матерью? Силы просто неравны...

На лицо банальное: разделяй и властвуй. Ибо вечно воюющие «за равенство» мужчина и женщина, превратившись, усилиями такой «системы образования», в две деструктивные, искусственно порождаемые системой «политические партии подсознания», абсолютно подавлены и деморализованы, контрпродуктивны. Они, занятые бессмысленной войной друг с другом, не способны к сотрудничеству, не говоря уже о сопротивлении социальной несправедливости, которая иногда просто необходимо... для истории и культуры.

Мир не может быть только мужским или только женским. Как нет света без тени, плюса, без минуса, зеркала без отражения. Убери одно – исчезает другое!

Тот, кто стирает пол стирает самого человека...

Уверен, современная наука достаточно развита, чтобы просто так взять и «забыть» об обстоятельстве разного времени созревания мальчишек и девчонок. И всё же, именно этот, казалось бы, достаточно известный для психофизиологов факт, современную педагогическую систему и науку ни к чему не обязывает!

Зигмунд Бауман в своей книге «Индивидуализированное общество» пишет: «Массовое психическое заболевание уже перестаёт считаться таковым. Оно плавно перетекает в культуру. Семьи становятся новым полем «битв за самоутверждение», покинувших в свою очередь сферу общественной жизни» - писал Базарный.

Покалеченные современностью люди, целиком поглощенные проблемой своего «одиночества в себе», так и не разрешившие кульминационные личностные задачи в социальном плане

действуют только деструктивно. Общество для них главный источник проецируемых во внутрь несчастий. И разрушить его, отомстить ему становится для них уже подсознательной задачей.

Не думаю, что описанная мною старая новая проблема может быть решаемая в рамках современной цивилизации. Но я уверен, тот, кто посягнёт на пол, с намерением его стереть или заменить на многочисленные его модификации, будет безжалостно сметён самой Природой, так как нельзя назвать, ни наукой, ни прогрессом, пиление сука на котором сидим...

Апория. Все знают. Сидим и пилим.

Поямнение: Без пояснений. Какая польза и кому от такой философии пола? Вопрос думаю риторический.

ПЕЛЕНАНИЕ

Это моя самая любимая апория.

Пеленать или не пеленать? Детей.

Как-то на одном форуме, одна молодая мама попыталась выяснить вопрос нужно ли пеленать детей. Вопрос этот не такой уж простой, как кажется.

Я ввязываясь во все принципиальные споры, не пропустил повода, чтобы высказать своё мнение. Мне было интересна реакция молодых мам на мои рассуждения, которые были вызваны чистейшей воды философским размышлением. Конечно же, я рассуждал, стараясь иметь базовые представления о психофизиологии и прочем, и чем я постоянно интересуюсь, обновляю и освежаю в памяти данные, так как знать их обязан любой здравомыслящий человек, не говоря уже о философе.

Дело в том, что существуют две концепции и взгляда на воспитание ребенка и человека вообще. Первая, либеральная. Анархистская. Мол, надо не мешать ребёнку развиваться, и он сам природно, вырастает гением. И выберет то, что нужно и полезно.

Вторая т.с. тираническая. Мол, ребенка надо заставлять и постоянно приучать и т.д. и т.п. Думаю что эти две крайние установки, будучи обособленными, содержат страшную ошибку и приносят вред.

Отсюда о пеленании, а точнее о её отсутствии, которое, на мой взгляд, приносит неизмеримый, я бы сказал космический вред человеку, культуре, обществу, экономике и пр.

Все хотят приучить ребенка к организованности. Организованность это чередование двух алгоритмов поведения и мышления дитяти: можно и нельзя. В конце концов, это залог его будущей социализации. Традиция пеленания детей не так глупа, архаична и примитивна, как может показаться современным родителям, которых и самих то уже не пеленали.

Дело в том что, чередуя пеленание и распеленание, ребенок, в данном случае младенец, не просто был удобен для транспортировки, он уже с грудного возраста приучался к смене режимов «можно и нельзя». Погулял и все надо поработать. Потерпеть. Потом опять погулял. Потом опять поработал. Когда это делается в режиме, то закаляет и тело и психику. На самом деле прошлые поколения не такие тупые, как кто-то думает. Но делать глупым выгодно, о чём я буду говорить в самом конце.

Время и сама природа подсказывала, что надо делать, а что нельзя. Пеленание - приучение к культуре и порядку с самого раннего грудного возраста, которое становилось фундаментом психики на всю последующую жизнь. Современные дети, в этом смысле, это "экспериментальные" дети. Ребёнок, который знал, что его распеленают и потом запеленают, а потом снова... приучался к самостоятельному торможению нервной системы!!!!

Пеленание пользовали, начиная с Древней Греции. В греческих манускриптах упоминают такие причины пеленания, на мой взгляд, вполне объективные: от переохлаждения, от насекомых, от самотравмирования.

Плутарх описывает случай, когда царственный младенец сам себе выцарапал глаз за что его прозвали одноглазым царем с рождения. Традиция шла веками. И обрастала своими дополнительными полезностями. В мрачное средневековье пеленание считалось приучением к божьему смирению, но продолжало выполнять и первые задачи.

Но я бы хотел обратить внимание на современный аспект проблемы. Дело в том, что ребенок, будучи не в состоянии себя сам контролировать и ограничивать (и это естественно для младенца), нуждается в первичных познавательных актах бытия. Соприкосновения с основами т.с. мироздания. Будучи открытым постоянно и отсюда в постоянном движении, без передышки, он постоянно переутомляется и перевозбуждается.

Каждый раз планка этого возбуждения и утомления повышается. Это перевозбуждение становится его... психической нормой. Отсюда гиперактивные дети, которые совершенно неспособны сосредотачивать свое внимание на чем-то одном. Или другая крайность - аутизм. Постоянная подавленность. Утомляемость. Как тут учить их?

Не надо впадать в крайности. Отсутствие пеленания как фактора воспитания (а я говорю именно об этом) и постоянное сдерживание ребенка пеленкой - все это вредно. Важен режим. Это как птица в руке. Сильно сожмешь - задушишь. Слабо сожмешь - упустишь. Для поддержания режима, надо быть постоянно включенным в ребенка. Жить с ним. Чувствовать его. Ведь у них у каждого свой темперамент. И не превращать все в кнопку. В шаблон. Думать надо и работать. Заставлять родителю самого себя. А это как раз мы делать уже не умеем...

Только пеленание и режим, могут давать шанс на рождение человека, ведь как известно умение торможения, задача которая возложена на вторую сигнальную систему и есть признак и условия этого человека!!!

Это не посягательство на свободу и здоровье ребенка. Это потребность жизни и культуры, наконец.

Как-то я попытался сказать и доказать это же своей невестке: обсмеяла. Теперь моему внуку, полтора года, они не знают, как им управлять... А начни настаивать, скажут тиран. Диктатор. Сталинист. Вот так и живу...

Апория. Пеленать или не пеленать? Детей. Конечно, нет. Жалко их бедненьких... Пусть так... Потом, когда они становятся взрослыми, их уже не так жалко.

Пояснение: Ахилл никогда не догонит черепаху, а ребенок никогда от свободы не пострадает. Но Ахилл догоняет черепаху, а дети страдают. Они просто не умеют управлять собой. Умеют ли управлять собой уже взрослые?

Кому польза и кому вред от такой «философии»?

РАЗГАДКА ТАЙНЫ ПАВЛОГРАДСКОГО МАНЬЯКА

Идёт к развязке дело... Как и обещал, я должен, наконец, тайну павлоградского маньяка, тем более что как вы поняли, влияние Фрейда, было весьма ощутимым. Досказать историю, которую я начал, и которая, если вы помните, послужила, причиной моего увлечения философией, первого опыта и знакомства с разными теориями и концепциями человека. Дело то всё в том, что и Фрейд и Юнг были не так уж и неправы. Фрейд тем, что категорически настаивал на сексуальной архаике психической энергии индивида, а Юнг тем, что настаивал на важности понимания природы энергии вообще, важности проявления её в социальной, культурной и политической жизни общества. В этой полемике, они сами того не признавая, начинали взаимно дополнять друг друга, но увлечённые изначальными исходными пунктами не могли выйти на один обобщающий уровень. К этому их отчасти подталкивала интеллектуальная и научная среда, не лишённая типичнейшего человеческого злорадства и честолюбия.

Но разве можно исключить из психической жизни человека всю его многомиллионнолетнюю архаику пола, архаику воспроизводства себе подобного и тем более заменить её чем-то искусственным, надуманным или, что ещё хуже неполноценно осмысленным? Одним словом, разве можно разделяя знания о человеке, не предполагать в этом угрозу разделения самого человека? Слома его? Не произвела ли такую чудовищную ломку пола сексуальная революция, произошедшая в СССР в конце 80-х?

Конечно, нельзя фрейдистским лекалом безоглядно поверять жизнь и историю массы людей, так как их жизнь подвержена более масштабным и сложным по формам детерминантам, чтобы упрощать то, что достаточно сложно, и наоборот усложнять, что изначально просто. Но пока интеллектуалы спорили, спекулируя на собственных открытиях, а психоанализ стал хорошо

продаваемым продуктом и символом цивилизации, истинные знания о поле стали достоянием специфически узкого круга социальных институтов, чаще называющих себя стратегическими. Никак не базовым знанием для большинства. Для него, для большинства, предлагается вульгарный психоанализ, с армией докторов-консультантов и сексуальная революция с её ещё более многочисленной армией массмедиа и рекламы, служащая прибылям корпораций. .

А психоаналитические институты работали в режиме войны. В данном случае войны с СССР, за его рынки и сырьё, за контроль над ресурсами других наций.

Освобождая человека от естественных обязанностей прошлого, по поддержанию и обеспечению своей жизни, эмансипация рождала в человеке колоссальный избыток энергии психической, по принципу естественной компенсации, то есть энергии сексуальной. Кризис этот наблюдался мыслителями благодаря философской и социально-религиозной перспективе, полученной ими на сломе эпох, на сломе представлений, традиций и т.д. Они, так или иначе сравнивали виды, качество и количество психо-сексуальной энергии, освобождаемой научно-техническим прогрессом.

И вот, социокультурные т.н. «реформы», иначе говоря, сексуальная революция 80-х, «освободила» наконец и советского человека от обязанности торможения в сфере сексуального. Энергия перестала человеком самоконтролироваться. Всплеск сексуальных преступлений того времени был обусловлен снятием табу в официальной общественной морали. И освобожденная техническим прогрессом половая энергия советских индивидов, ещё не институционализированная рынком услуг и удовольствий, хлынула через дамбу.

В современных описаниях павлоградского маньяка, в текстах и фильмах, доминирует сказочка, о его, маньяка, изворотливости и уме. Очень похоже на голливудский сюжет кошмара, или на сказку о Бен Ладене. Но этим просто-напросто прикрывается преступление не просто перед убитыми детьми, а перед целым обществом. Кого? Реформаторов. На самом деле преступлений и преступников было ещё больше. И объединить их под ореолом одного выдающегося маньяка – всего лишь уловка. Купирование недовольства. Под павлоградского маньяка списывали множество половых преступлений. И многие преступники пытались подстроить свои злодеяния под этого виртуального маньяка. Это уводило в сторону всех. Следствие и общество в первую очередь.

Я уже говорил, что мы очень часто не в состоянии отличить искусственность некоторых явлений от естественных. Что искусственно, а что естественно, учитывая туманность конечных целей, а не декларируемых, в социальной политике и социальной инженерии, это проблема целого исследования. И на эту тему есть не так много хорошей литературы. Но то, что произошло естественно (всплеск сексуальных преступлений), было вызвано и подготовлено искусственно.

Дискредитация силовых структур СССР, на этой почве, на почве неспособности раскрыть преступления сексуального характера, и которое на самом деле, и по сути было ПРЕСТУПЛЕНИЕМ СИСТЕМНЫМ, перед всем обществом, также входила в расчёт разрушителей советской империи.

После, когда украинский генерал Москалец, арестовывал очередного маньяка, якобы которого разыскивали столько лет (!!!), под выборы, это был хороший предвыборный политический ход. Он добавил лично Москалю очков, и отвлек, в очередной раз, массы от реальных бед. Кроме того он, поддержал иллюзию всесильности украинской полиции уже отделённой от совка Украины.

В результате, в хорошую камеру, с удобствами как для пожизненного заключения, по договорённости, за все злодеяния, сел очередной раздутый миф, образ. Не без преступления конечно, но фигура собирательная, и совершенно искусственная.

А преступления были. И преступники, разные, которых породила «эпоха рыночных и сексуальных перемен» и «бригад» сегодня просто постарели. И до сих пор ходят на свободе...

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ФИЛОСОФИИ ДЛЯ ЖИЗНИ

Моё кредо философского познания: ничего и никогда нет такого, чего не было в том или ином виде раньше. Я плохо поддаюсь гипнозу, и меня не впечатляют новые слова и формы. Особенно когда я знаю, что за ними скрывается. В литературе о царских ссылках и тюрьмах, позапрошлого века, а потом и в новейшей литературе о местах не столь отдалённых, я узнал о таком весьма запредельном суровом и жестоком факте, как каннибализм зеков. Это когда один, подговаривает другого бежать из далёкой зоны, с расчётом съесть собрата в пути и выжить. Дойти до цели. В разных интерпретациях, этот ход встречается везде: суть одна, чтобы выжить в период крайний и опасный для жизни, человек на самом деле не гнушается ничем. С него спадает вся культурная шелуха, и он предстаёт во всём первозданном ужасе и жестокости.

Мы можем бесконечно закрывать глаза на свойства человека, тешить себя иллюзиями святости или животности человека. Всё это манипуляции и истерика. Хрупкость культурной оболочки зависит здесь и сейчас. Помня о ней, мы только и можем держать её в узде. Человек становится человеком, осознавая себя животным и не рисуя себе мистических картин своего превосходства над Природой, которая его породила. Расплатой за эти мифы, всегда наступают войны, которые, так или иначе, камуфлируются идеями, религиями, государственными нуждами или патриотизмом. Оболочка спадает всегда, когда человека ставят на грань его небытия.

В условиях мирового кризиса это вполне ожидаемо.

В действиях пастуха, режущего лишнее стадо, или садовника, обрезывающего заросший виноград, нет конспирологии. Весь вопрос, кто садовник и кто виноград.

Сегодня в современной жизни, система социального заложничества отработана со стопроцентной эффективностью. В социальных заложниках могут быть пенсионеры и учителя, медики и другие. Избиратели. Заложники никогда не будут голосовать против системы. Это принцип социального заложничества.

Отсюда плоха та философия, которая не воспроизводит жизнь человека, класса или вида, она вредна для жизни, а хорошая, которая вовремя его ориентирует, организует и оптимизирует его энергозатраты, наоборот полезна. Философия кошек вредна для рыб. Они, рыбы, не бегают, как кошки. Стоит им поверить в это, выползти на берег, и их тут же съедят. Понятно кто. Но если кошка будет думать что она рыба, она, скорее всего, утонет. И рыбы будут довольны. Современный нищий, согласно нынешней ситуации, может рассуждать как крупный финансист, читая и слушая анализы из уст современных аналитиков, именно поэтому он нищий, тогда как настоящий финансист всегда мыслит как ненасытный нищий, скряга, и потому он богаче всех остальных.

Я вступил с миром в сделку, имея философию человека – гедониста, питающего иллюзии. Они и привели меня к краху. Внутреннему и внешнему. Психологическому и социальному. Жертву всегда питают иллюзии свободы. Иллюзорность философии – иллюзорность и пошлость декларируемой мудрости, вот источник вреда философии для жизни.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ДРАМА ЭПОХИ.

Если говорить казённым языком былых т.с. марксистских наук, кризисным противоречием, накладывающим отпечаток на текущую драму истории, является, нарастающее несоответствие глобального характера мирового хозяйствования (глобальной формы собственности на средства и ресурсы воспроизводства) и остающимися национальными, а значит слабыми и отстающими, формами наших государств. Нет более масштабного, и исторически судьбоносного проявления философского принципа соответствия формы и содержания...

А современный конфликт уже не может быть описан классовыми, формационными, национальными, религиозными или другими устаревшими концепциями из прошлого. Общества, начиная с конца XIX, подверглось глубочайшей социально-экономической и политико-культурной трансформации, связанной с глобализацией мирового рынка, глобализацией средств производства и ровно такой же глобализацией права частной собственности на эти средства, на основе научно-технической революции. Той самой, НТР, открывшей небывалые, по сути, безграничные возможности эксплуатации человеком природы, человека человеком, сословия сословием, касты кастой, одного типа людей другим, одного государства другим государством и

т.д. Процесс глобализации можно назвать и окончательной победой империализма, всё равно, реальность от смены названий и имён не меняется.

Я говорю о конфликте более глубоком и системном, и более принципиальном, чем даже классовый конфликт. И тут, я, не настаивая, и не абсолютизируя собственные мысли, хочу дать версию. Речь идёт о глубинном конфликте между семьёй и корпорацией, между государством и бизнесом, как между этими универсальными формами общественной жизни, сохранившими сквозь все перипетии свою ценность и практическое политическое значение. На современной политической сцене, на самом деле, сегодня не классы и не религии, и даже не государства и монополии, а семья и корпорация, как универсальные формы социальной жизни, со своими генетиками, этикой, историей и притязаниями на будущее. За первой биология, история, традиции, инерция, за второй все остальные ресурсы обществ, перешедших к ней, в результате приватизации.

За семьёй, за её психокультурным кодом стоят все мыслимые и немыслимые формы выживания общины (социализма, коммунизма) - матрица, которая может разворачиваться в процессе исторического развития во что угодно. Она может создавать новые слова и концепции, она может поворачивать свой кристалл общинного ДНК какой угодно стороной, но суть её, останется той же.

Ровно то же самое, можно сказать о корпорации. Быстрой, мобильной, мобилизованной группе, возникающей в социальной среде, и живущей обособленно от среды, которую превращает в сферу поедания. Это как корпорация обезьян впервые использующих камни, обособляется от голодного стада. Корпорация, как модификат семьи, также может прятаться во что угодно, в какие угодно социальные формы.

Перед нами тектоническая битва этих двух начал, семьи и корпорации как исторически выживших форм социальной жизни человека. В защите своих интересов столкнувшись теперь, уже непосредственно с человеком как таковым и его репродуктивной инстинктивной природой, как частью всей природы. Кто будет обладать репродуктивной функцией создания человека, его воспитания и формирования психики, тот и одержит вверх. Но думаю, победа любой формы будет краткосрочна.

Национальные государства, в которых мы едем, как в своих оскандалившихся маршрутках по глобальным финансовым просторам, сжигают остатки идей гуманизма, демократии, успеха, свободы, справедливости, этических добродетелей, семьи, общины, нравственности, социальных правил общежития и пр. Идеи эти, давно приватизированы и технологично выхолощены. Они обесценены обществом собственников-эгоистов всех калибров, в результате долгой истории самых изощренных экономических и интеллектуальных спекуляций и имитаций, и в таком полуразложившемся модифицированном виде, работают на спасение невидимой метрополии собственности... На продление её агонии.

Рецидив банального животного эгоизма вчерашних обезьян, который столько веков культура пыталась обуздать разными способами и загнать под лавку, и который подспудно заразил теперь практически всех, ныне облачён в наукообразные штампы, в постмодернистскую метафизическую чушь, в культурные априории.

Стоит ли удивляться, что социальные реформы, в такой ситуации, на поверку оказывающиеся банальной оптимизацией расходов на нерентабельное общество, стадо, и порождающие на всех уровнях социума азартную игру в «слабое социальное звено», не должны усиленно выдаваться за пафос модернизации? Ради стабильности!

Но правда, она очевидна. Поэтому она никому не нужна. Как болезненное сознание факта. И система, ради сохранения своих принципиальных основ, взяв в заложники большинство, каждый раз вынуждена искать внутри себя, новую жертву, чтобы отдать её на высокотехнологичное заклятие. Сожрать и переварить. И заболтать, ужас оставшихся, на политическом шоу.

Судя по сводке конфликтов, войн и противостояний, количество жертвоприношений растёт, а пресловутый контроль обществ над своими условно национальными властями выглядит жалкой попыткой выключить взбесившуюся административную машину, которая либо давно и

бесповоротно сломана и работает в противоположную сторону, либо приобрела совершенно иную, неведомую общественному пониманию функцию.

Если говорить простым человеческим языком. чтобы вас любила ваша кошка, с ней надо просто делиться.

Неужели мы думаем, что природа, окружающая нас, содержащая нас и находящаяся внутри нас, глупее нашей кошки? Неужели мы думаем, что устройство общества, в котором мы живём, и принципы по которым мы живём в нём (а также по которым оно живёт в нас), проще, чем устройство и принципы живого организма, с его обязательными, жизненно важными процессами обмена веществ, лаской и прочим? Контролем, иерархией и управления?

Понимание мы заменили технической схемой. А обмен технической функцией. Находясь в неравноценном обмене с природой и обществом (природой внутри себя), на что мы надеемся? На какую стабильность и баланс?

Чудовищная наивность и серьёзность «*Deus ex machina*», с которым мы обсуждаем космос и строим проекты глобального будущего, до сих пор не зная (и не желая) справляться с банальной инфляцией, убеждая себя, что она даже полезна (это, смотря для кого) вселяет надежду, что по крайней мере, будет весело.

Я попытался, как мог, рассказав о своей жизни, очертить и основной лейтмотив моих размышлений. Весь текст, это попытка развернуть и показать, что философия (как мышление самых крайних форм), если она преодолевает отчуждение человека от природы, на новом историческом этапе - полезна. А та, которая его, человека преступно возносит, дезориентирует, самообольщает и обманывает, в процессе борьбы антропологических видов, вредна.

Спекуляция ресурсами и смыслами дает возможность извлекать и присваивать энергию природы и собратьев. Мы давно любим уже не человека, как такового, даже в себе, а его предприимчивость по отношению к поедаемому и проедаемому окружающему миру. Но эгоизм изжил, растратил ресурс современного уровня добытых технологий, и потому нам пора снова становится людьми. Ограниченными, окультуренными существами, способными к торможению хватательных и пожирательных инстинктов. Снова понадобится нечто что активизирует и усилит влияние второй сигнальной системы. Заставит энергично.

Есть ли альтернатива этому? Думается, что нет. В таком контексте я и вижу тему «пользы и вреда философии для жизни». Меня не ужасает блестящая мрачность нашего времени. Таковой она, судя по всему, была всегда. А для пытливого и мужественного взгляда, она даёт возможность наслаждения познанием судьбы человечества, которое как бесповоротно сломанная игрушка, теперь находится в руках обывателя - глупого но любопытного ребёнка.

Теперь, когда Новый Рим распадается, а христианский код поведения и мышления, этот - акт, жизненно необходимый для торможения коры головного мозга (наследие приобретённой второй сигнальной системы) пройдя множество социальных модификаций и идеологических конвертаций политического и политологического толка, инструментального, социально-технологического, прикладного и спекулятивного, подходит к своему историческому угасанию и исчерпанию, многие, ощущая это, с тревогой смотрят в даль, сквозь фукуямо-тофлеровские иллюминаторы «*deus ex machina*» ... Как собственно и я.

Пошлости шаблонности машинного мышления «*deus ex machina*», с которой одни думают вырुлить, а другие надеются что-то увидеть, в иллюминаторах цифрового Рима, а точнее борьбе с ней, а тем более борьбе с пошлостью в современной философии, борьбе неравной и предопределённой, я посвящал эту работу «о пользе и вреде философии для жизни». Я имею право ошибаться. А моя философия может быть наивной. Но она не может быть пошлой.

И я счастлив самой возможности этой борьбы.

Почему? Во-первых, потому что я только так чувствую в себе человеческую, а не машинную, оцифрованную глобальными стихиями душу. И во-вторых...

*Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,*

*Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.*

*Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.*